

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЬ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 28 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: Еще о конкуренціи актеровъ Императорскихъ театровъ. — Замѣтки. — О «Трехъ сестрахъ». С. Сутугина. — Старина или старье? А. Ростиславова. — Хроника театра и искусства. — Московскія письма. П. Ярцева. — Вопль трагика (монологъ). М. Любимова. — «Его дочери». Ното повис. — Письма изъ Кіева. Н. Николаева. — Заграницею. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.
Рисунки и портреты: Шахта «Георгій»

№ 44.

3 рис. А. Любимова и 2 рис. С. Панова, «Варвары» оп. С.-Санса, «Мишура», «Эпизодъ юбилейнаго чествованія», «Трагикъ» (рис. А. Любимова), «Педагоги» въ театрѣ Корша (рис. В. Сашина), портреты кн. В. В. Барятинскаго, М. И. Татаринова, Сень-Санса и Беллини.

Приложеніе: Шахта «Георгій», пьеса изъ жизни углекоповъ въ 5 д., Евг. Карпова.

Открыта подписка на 1902 г.

НА ЖУРНАЛЬ

„Театръ и Искусство“

ГОДЪ (съ 1 января) 7 РУБ.

ПОЛГОДА 4 РУБ.

Разсрочка: при подпискѣ—3 руб.; 1 апрѣля—2 руб.; 1 іюля—2 руб.

Подписка въ разсрочку принимается **исключительно** въ главной конторѣ журнала, Моховая, 45.

С.-Петербургъ, 28 октября 1901 г.

У дирекціи Императорскихъ театровъ нѣтъ своего официальнаго органа, и о взглядахъ и намѣреніяхъ руководящихъ лицъ намъ ничего неизвѣстно. Вотъ почему, хотя въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Петерб. Газеты», въ замѣткѣ «Клубы и конкуренція артистовъ», приводятся соображенія, «высказанныя намъ (т. е. корреспонденту) въ дирекціи», но мы не можемъ считать эту замѣтку официозной, а лицо, передавшее свои соображенія корреспонденту, сколько нибудь компетентнымъ. Лицо, объяснявшееся съ корреспондентомъ, высказываетъ, напримѣръ, такую мысль: «Господа артисты частныхъ сценъ только въ томъ случаѣ могутъ рассчитывать на поддержку дирекцією ихъ интересовъ въ дѣлѣ стѣсненія ихъ казенными собратьями (sic!), если они объявятъ дирекціи свои фамилии (?), и дирекція будетъ такимъ образомъ знать, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, и дѣйствительно жалобщики имѣютъ право на ея вниманіе».

Вотъ, признаемся, взглядъ, который никоимъ родомъ не можетъ принадлежать лицу, стоящему

близко къ дѣламъ дирекціи, и понимающему сущность своихъ обязанностей!.. Дирекція Императорскихъ театровъ, вообще, не обязана, да и не имѣетъ права, оказывать поддержку постороннимъ актерамъ, потому что и своихъ у нея довольно. Но обязанность дирекціи заключается въ томъ, чтобы служащіе въ ея учрежденіяхъ хранили свято свои обязательства, ибо все контракты писать, ежели ихъ не исполнять. Такимъ образомъ, извѣстны-ли фамилии пострадавшихъ или неизвѣстны, и даже если пострадавшіе, для дирекціи это не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Вопросъ совершенно ясенъ, съ точки зрѣнія дирекціи. На сценахъ всѣхъ петербургскихъ клубовъ и нѣкоторыхъ частныхъ театровъ играютъ казенные актеры подъ «звѣздочками», чего никто и не отрицаетъ. Многія антрепризы даже сданы подъ тѣмъ условіемъ, что въ спектакляхъ будутъ участвовать казенные актеры. Это уже не случайное обстоятельство, не частное разрѣшеніе, данное по какому либо поводу, но нѣчто постоянно дѣйствующее и носящее черты опредѣленной организаци. Спрашивается: признаетъ-ли дирекція соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ, чтобы частныя антрепризы пользовались труппою казенныхъ театровъ, трудами, репетиціями, утомляющимися нервами и расходующимъ темпераментомъ ея актеровъ, не платя за это дирекціи ничего и даже не выражая за это никакой благодарности? Если такая эксплуатація частными предпринимателями казенныхъ актеровъ признается соотвѣтствующей интересамъ дирекціи, то тогда незачѣмъ прибѣгать къ звѣздочкамъ, и воспрещеніе участвовать въ спектакляхъ частныхъ сценъ должно быть устранено изъ правилъ о службѣ артистовъ Императорскихъ театровъ. Подобная хозяйственная система, быть можетъ, кому либо покажется и нерасчетливой, но нельзя требовать расчетливости отъ хозяина, который ея не хочетъ. Не слѣдуетъ быть plus rapiste que le rare. Но если это, по какимъ нибудь причинамъ, неудобно для дирекціи—а мы ду-

маемъ, что оно очень неудобно, — то на вольныя субдирекции Императорскихъ театровъ гг. Никольскаго, Панчина и др. слѣдуетъ обратить должное вниманіе. Во всякомъ же случаѣ, «звѣздочки» — это незаконная и притомъ лицемѣрная форма, не соответствующая достоинству службы въ Императорскихъ театрахъ. Если полезно поощрять актеровъ Императорскихъ театровъ, украшая ими сцены клубовъ, то не зачѣмъ скрывать отъ публики ихъ фамиліи, ихъ имена. Это еще больше подниметъ сборы въ клубахъ, уронитъ сборы Императорскихъ театровъ, а публикѣ будетъ предоставлена заранѣе возможность судить о томъ, гдѣ играетъ лучшей составъ исполнителей, въ Александринскомъ Императорскомъ театрѣ или въ Приказчиьемъ клубѣ.

Весьма серьезное возраженіе заключается въ томъ, что многіе артисты Императорскихъ театровъ, получая «крохотное» содержаніе, недостаточное для прокормленія ихъ семействъ, нуждаются въ добавочномъ заработкѣ. Еще болѣе въ послѣднемъ, разумѣется, нуждаются тѣ, которые не получаютъ никакого опредѣленнаго содержанія, даже «крохотнаго». Но не въ этомъ дѣло. Думаемъ, что въ такомъ случаѣ, никто не препятствуетъ давать каждый разъ разрѣшеніе наиболѣе нуждающимся, и не «подъ звѣздочками». Это представляло бы уже то удобство, что при составленіи репертуара и плана репетицій, режиссеры знали бы изъ оффиціальныхъ источниковъ, на кого нельзя рассчитывать, такъ какъ ему дана «аренда».

Но самое любопытное въ названной нами выше замѣткѣ, это слѣдующее соображеніе: «а что скажутъ сами клубы въ случаѣ запрещенія играть на нихъ казеннымъ артистамъ?» Дѣйствительно, что скажутъ клубы!.. Новое вѣдомство; безъ соображенія съ которымъ невозможно ни одна сколько-нибудь значительная мѣра въ дирекціи Императорскихъ театровъ... Клубы скажутъ, несомнѣнно, вотъ что: «много лѣтъ мы пользовались щедротами и милостями дирекціи, сыпавшимися на насъ какъ изъ рога изобилія, но странно было бы, если бы мы отказывались отъ этихъ щедротъ, и потому мы ни въ чемъ невиноваты». Клубы, несомнѣнно, будутъ оправданы. Они добросовѣстно заблуждались. Они думали, что въ награду за доходы, которые они даютъ Воспитательному дому, ихъ сцены превратили въ филиальныя отдѣленія Императорскихъ театровъ. Но разумѣется, это недоразумѣніе, и никакихъ специальныхъ наградъ клубы своею самоотверженною на пользу общества дѣятельностью не заслужили.

Намъ пишутъ изъ Москвы: Существующая монополія афишъ должна быть толкуема въ ограниченномъ или распространительномъ смыслѣ? Кажется бы, ясно, что устарѣвшей монополіи не слѣдуетъ быть слишкомъ притязательной. А между тѣмъ, здѣшній, московскій, контрагентъ-типографщикъ, г. Левенсонъ, склоненъ понимать свои монопольныя права въ самомъ широкомъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, онъ требуетъ обязательнаго печатанія афишъ даже въ томъ случаѣ, если никакихъ афишъ не выпущено, а концертантъ или театральнй предприниматель довольствуется публикаціями въ газетахъ. Г. Левенсонъ полагаетъ, что публиковать въ газетахъ о концертахъ и спектакляхъ можно только въ томъ случаѣ, если одновременно съ этимъ объявленіе будетъ напечатано въ афишахъ. Законно-ли такое требованіе? Вѣдь подъ монополіею афишъ разумѣется только афиша, какъ строго специализированный родъ театральнаго объявленія. Если же практика понемногу отодвигаетъ «афишную ли-

тературу» на задній планъ, то это только лишній разъ доказываетъ, что и вся-то вообще монополія афишъ устарѣла и доживаетъ свой вѣкъ на пенсіи. Вотъ, говорить, теперь появились публикаціи-рекламы на облакахъ. Неужели г. Левенсонъ и на облака полѣзетъ, чтобы получить «по положенію»?

Провинціальнымъ помощникомъ режиссера К. Г. Антоновымъ подано въ Совѣтъ Театральнаго Общества заявленіе о разсмотрѣніи изобрѣтеннаго имъ новаго «электрическаго сценаріуса», изабавляющаго помощника режиссера отъ постоянной бѣготни за артистами, а послѣднихъ отъ опаздыванія выходами на сцену.

15-го ноября текущаго года исполнится двадцать пять лѣтъ со дня смерти великаго русскаго трагика Н. К. Рыбакова, скончавшагося въ Тамбовѣ въ 1876 году, вслѣдствіе чего Совѣтъ Русскаго Театральнаго Общества, въ заведеніи 23 октября постановилъ: извѣстить всѣхъ своихъ уполномоченныхъ и театральныхъ предпринимателей о двадцатипятилѣтніи кончины Н. К. Рыбакова, съ просьбой ознаменовать этотъ день спектаклемъ съ отчисленіемъ части сбора на учрежденіе кровати имени покойнаго въ убѣжищѣ Общества; отслужить панихиды 15-го ноября: въ петербургскомъ театральномъ училищѣ, въ Бюро Общества въ Москвѣ и г. Тамбовѣ, какъ мѣстѣ кончины Рыбакова.

Врачи рекомендуютъ Модесту Ив. Писареву ѣхать въ Тироль или на италіанскія озера, но огнюдь не въ гористыя мѣстности и не на берегъ моря. Въ настоящемъ сезонѣ ему выступить на сценѣ не придется. М. И. теперь, несмотря на запрещеніе врачей, приходится заниматься приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ по изданію полного собранія сочиненій извѣстнаго критика Аполлона Григорьева. А. Григорьевъ былъ учителемъ М. И. Писарева. Въ бытность его въ московской 1-й гимназіи, въ 50-хъ годахъ, М. И. пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ критика. Знакомство М. И. Писарева съ А. Григорьевымъ продолжалось до самой смерти критика.

Здоровье бывшаго баритона русской оперы, А. Я. Чернова, находится въ безнадежномъ состояніи. Въ пользу больного артиста дирекція устраиваетъ 24 ноября, въ Маринскомъ театрѣ, концертъ, съ участіемъ лучшихъ силъ всѣхъ казенныхъ группъ.

Въ 1903 г. исполнится столѣтіе артистическаго служенія на Императорской С.-Петербургской сценѣ семьи Самойловыхъ. Первымъ основателемъ этой театральнаго семьи былъ пѣвецъ Самойловъ, дебютировавшій въ 1803 г. въ Петербургѣ на Императорской сценѣ и сразу «восхитившій» публику; послѣднимъ представителемъ Самойловыхъ въ настоящее время на Императорской сценѣ является П. В. Самойловъ.

Въ послѣднихъ заведеніяхъ театральнаго-литературнаго комитета разсмотрѣны пьесы: «Ненастье» Е. Н. Погожева, «Миссія» неизвѣстнаго автора, «Анна Каренина» и продолженіе «Ревизора» — Судьба гоголевскаго городничаго — тоже неизвѣстнаго автора.

Затѣмъ, въ скоромъ времени будутъ разсмотрѣны: «Ломоносовъ» Половцова, «Варфоломеевская ночь» кн. Кугушева, «Настасья Минкина» Гейнце, «Орлеанская дѣва» Анненковой-Бернаръ, «Любовь» Гриневской, «Добыча», Шапиръ, «Западная» Персіяновой, «Свѣтъ погастъ» Забреженева.

„Три сестры“ А. П. Чехова.

Кулыгинъ. „Такъ-то оно такъ, только какъ-то все это не серьезно. Одиъ только идеи, а серьезнаго мало“.

„Три сестры“ 4-е дѣйствіе.

Конечно, онѣ, всѣ три сестры—несчастливы. Маша несчастлива потому, что ея мужъ оказался „самымъ добрымъ, но не самымъ умнымъ“. До замужества-же онъ казался ей самымъ умнымъ

того, чтобы исполнить свой долгъ“ и что „я бы вышла безъ любви“, Маша, какъ уже было сказано—отъ того, что она не разглядѣла до свадьбы мужа, а затѣмъ, полюбивъ Вершинина—тоже несчастна. И всѣ три, какъ имъ кажется, могутъ быть счастливы только въ Москвѣ. „Лучше Москвы ничего нѣтъ на свѣтѣ!“ Упрекали Чехова за то, что слишкомъ много говорятъ о Москвѣ и обзывали его „символистомъ“. Не знаю, показалась-ли Чехову обидной кличка „символистъ“ и насколько обидной, но едва-ли она здѣсь вообще умѣстна. Сгущеніе красокъ, даже излишнее—совсѣмъ не то же, что символизмъ.

—§ „Варвары“. Новая опера С. Санса. §—

Флорія (Гатто). Маркомиръ (Ваге). Ливія (Эглонъ).

Финаль 3-го акта.

человѣкомъ. „Ужасно ученымъ и важнымъ“—тоже. Ирина сначала несчастна отъ того, что у нея нѣтъ труда, а потомъ, когда она поступила на должность (на телеграфъ) отъ того, что трудъ—„безъ поэзіи, безъ мыслей“. Ольга несчастна потому, что она служитъ въ гимназіи—сначала учительницей, а затѣмъ начальницей. Когда ее назначаютъ начальницей—она дѣлается еще несчастнѣе. Вершининъ—главное лицо пьесы—говоритъ: „если послушать здѣшняго интеллигента, штатскаго или военнаго, то съ женой онъ замучился, съ домомъ замучился, съ лошадьми замучился“... и Вершининъ этого не одобряетъ: „русскому человѣку свойственъ возвышенный образъ мыслей, но скажите, почему въ жизни онъ хватаетъ такъ высоко? Почему?“ Три сестры замучились: Ольга отъ того, что ее не берутъ замужъ, Ирина отъ того, что тотъ, который хочетъ ее взять замужъ—не возбуждаетъ въ ней страстной любви (между тѣмъ Ольга, за которую никто не сватается, говоритъ, что „замужъ выходятъ не изъ любви, а для

тому, что сестры чувствуютъ себя несчастными—вѣришь. И не только отъ того, что Чеховъ такой искусникъ рисовать печальныя, грустныя, несчастныя настроенія и міроотношенія. Просто вѣришь потому, что это намъ не въ диковинку: диковинно, наоборотъ, встрѣтить въ литературѣ веселое, радостное, счастливое настроеніе. Съ отношеніемъ-же Чехова къ печалямъ его сестеръ не хочется согласиться. Художественная литература, поскольку она не является искусствомъ для искусства,—а въ послѣднее время она таковой почти не является—всегда занимается, въ формѣ болѣе или менѣе скрытой, постановкой, освѣщеніемъ или разрѣшеніемъ психологическаго, этическаго или общественнаго вопроса. И это искусству нисколько не вредитъ, если только освѣщеніе правильное, согласное съ жизнью, не искусственное и фальшивое, и авторъ не навязываетъ намъ ничего насильно. И когда онъ повѣствуетъ о человѣческихъ горестяхъ—то о такихъ, которыя его трогаютъ и которымъ онъ хочетъ помочь. Русская литература

богата поразительными талантами. Но вотъ—отноше-
ніе къ изображаемымъ явленіямъ... Самые яркіе
властители умовъ, Толстой и Достоевскій, ставили на
первый планъ не искусство изображенія, а вопросы:
въ чемъ бѣда, какъ помочь описываемымъ бѣдамъ,
что изъ этого слѣдуетъ? Второй и третій изъ этихъ
вопросовъ находятся совершенно внѣ сферы компе-
тѣнціи описательной, художественной литературы.
Вопросъ же—въ чемъ бѣда,—есть мотивъ, импюльсъ,
толкающій къ изслѣдованію, и было бы фарисействомъ
пенять на него, въ погонѣ за спорнымъ идеаломъ
„искусства для искусства“. Разрѣшеніе вопроса „въ
чемъ бѣда“ достаточно важно само по себѣ, да и
заключаетъ уже обыкновенно отвѣты на остальные
вопросы. Вѣрная постановка его требуетъ всей воз-
можной вдумчивости, спокойствія, добросовѣстности.
Она требуетъ, чтобы писатель былъ „auf dem richtigen
Flecke“—на надлежащемъ мѣстѣ, какъ называютъ
нѣмцы людей, правильно, спокойно, а потому и счаст-
ливо относящихся къ окружающимъ, къ себѣ. Такъ
какъ всякій изъ насъ бѣдой называетъ разное, то,
можетъ быть, въ скрытомъ видѣ, въ манерѣ поста-
новки этого вопроса—выражается все наше міроот-
ношеніе. Наше-же міроотношеніе зависитъ отъ на-
шего міропониманія, т. е. умственного развитія,
широты кругозора, развитія нравственнаго чувства.

Авторъ добросовѣстный—ежели онъ о добросо-
вѣстности своей въ достаточной мѣрѣ заботится,
долженъ или выбирать такія темы, гдѣ всего меньше
вопроса: „въ чемъ бѣда?“—или быть увѣреннымъ,
что онъ знаетъ, въ чемъ бѣда. Долженъ ясно и просто
спросить себя: знаю-ли я? И только получивъ отвѣтъ
„знаю“, можетъ этихъ темъ касаться, *поскольку онъ
знаетъ*. Въ „Крейцеровой Сонатѣ“ Толстой востор-
гается, устами Познышева, китайскимъ обычаемъ до-
вѣрять музыку только государственнымъ чиновни-
камъ. Эту „поэтическую фигуру“ можно примѣнить
также и къ литературѣ и къ театру, имѣющимъ и
большій кругъ вліянія, и большую „клаватуру“ то-
новъ и настроеній. Это—сила, и всякое распоря-
женіе силой несетъ за собой отвѣтственность. Когда
поддаешься обаянію, власти, вліянію таланта, то часто
не замѣчаешь, что не о благотворности этого вліянія
заботится онъ, а о силѣ его. Слѣдуетъ-ли заботить-
ся только о силѣ впечатлѣнія? Каждый отвѣтитъ:
„нѣтъ, не только о силѣ, а о художественности его,
правдѣ“. Вотъ, именно, и вотъ къ чему веду я рѣчь.
Надо заботиться о правдѣ впечатлѣнія, и отнюдь не
о силѣ, во вредъ правдѣ. А впечатлѣніе слишкомъ уси-
ленное уже грѣшитъ противъ правды, и само по себѣ, и
еще больше потому, что, сгущая краски только въ
двухъ—трехъ мѣстахъ,—мы придаемъ этимъ невѣрное
освѣщеніе всей картинѣ. Нѣтъ жизненныхъ явленій,
стоящихъ совершенно особнякомъ; въ жизни, а слѣ-
довательно, и въ правдивой картинѣ жизни все свя-
зано, все переплетено между собой безчисленными—
часто скрытыми—нитями причинъ, послѣдствій, вза-
имоотношеній и проч.

„Три сестры“—сдѣлались теперь боевой пьесой.
Ихъ ставитъ вся провинція. Пьеса Чехова—того
самаго Чехова, котораго „Чайка“ скандально про-
валилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Алексан-
дринскомъ театрѣ, пьеса „не сценичнаго“ Чехова—
вдругъ оказалась „маскоттой“, дѣлающей сборы. обя-
занъ Чеховъ этимъ, конечно, московскому художе-
ственному театру. Нашли, что тутъ много „настро-
енія“. Это прекрасная вещь—настроенія. Превосходно
—замѣнить внѣшнія, грубыя впечатлѣнія отъ эффек-
товъ—тонкими, интимными, поэтическими настроені-
ями. Но и настроенія бываютъ разными. Бываютъ
правдивыя, бываютъ и фальшивыя.

Три сестры несчастны. А исходъ этому несчастью?

Чеховъ даетъ на него отвѣтъ: „Черезъ двѣсти—три-
ста лѣтъ—говоритъ Вершининъ—жизнь на землѣ бу-
детъ невообразимо прекрасной, умильной“. И еще:
„Черезъ двѣсти—триста, наконецъ, тысячу лѣтъ—
дѣло не въ сроки—настанетъ новая счастливая жизнь.
Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но
мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну, страдаемъ,
мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего
бытія—и если хотите—наше счастье“,—а тутъ же
дальше: „и какъ бы мнѣ хотѣлось доказать вамъ,
что счастья нѣтъ, не должно быть и не будетъ для
насъ, мы должны только работать, а счастье это
удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ“...

Маша же находитъ, что: „или знать для чего жи-
вешь, или же все пустяки, трепъ-трава.“ Счастье
потомковъ—по Вершинину—для нея, видно, мало
заманчиво или убѣдительно. Въ предыдущей по вре-
мени, пьесѣ „Дяди Ваня“, у Чехова уже выработы-
валась идея о счастьѣ въ будущемъ.

Соня. „Тамъ за громомъ, мы съ тобою, дядя, ми-
лый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящ-
ную; мы обрадуемся и на теперешнія наши отноше-
нія оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и от-
дохнемъ... Мы отдохнемъ! Мы услышимъ ангеловъ,
мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ,
какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ
въ милосердіи“ и пр. Въ „Трехъ сестрахъ“ эта
мысль созрѣла. Странно: говорить о счастьѣ—о счаст-
ствѣ потомковъ—пусть будутъ счастливы—слава
Богу!—а какъ грустно все это слышать! Чувется что-
то до слезъ печальное, измученное и несчастное. Нель-
зя утолять голодъ настоящаго надеждой на сытость въ
будущемъ, и нельзя удовлетворять потребность въ
счастьѣ теперь-же, сейчасъ, для насъ—надеждой на
счастье потомковъ. Да и будутъ ли они счастливы,
потомки то? Скорѣе думается, что ежели мы ужъ та-
кие несчастные, то и поколѣнія народимъ жалкое и
несчастное, и т. д. „Специалистъ по счастью“—Вер-
шининъ замѣчаетъ еще, что „счастья у насъ нѣтъ
и не бываетъ, мы только желаемъ его“. А какже по-
томки-то? И чѣмъ больше чеховскіе герои говорятъ
о счастьѣ, тѣмъ несчастливѣе дѣлается на сердцѣ у
читателя и зрителя. Эти люди такъ страстно гово-
рятъ, они сами такъ боятся, что слова ихъ неправда,
столько увлечены имъ нужно, чтобъ заглушить чер-
вяка, подкачивающаго „ихъ возвышающій обманъ“...
И думаешь: нѣтъ, не такъ надо относиться къ своей
болѣзни, чтобы имѣть какой нибудь шансъ выздо-
ровѣть. Счастье будущихъ поколѣній... „Такъ-то оно
такъ, только какъ-то все это не серьезно. Одиѣ
только идеи, а серьезнаго мало“—сказалъ бы на
это милый, карикатурно-милый Кулыгинъ.

На вопросъ „въ чемъ бѣда“—Чеховъ не отвѣ-
чаетъ, а, подчеркывая болѣзненность стремленія
трехъ сестеръ въ Москву, только отгвѣняетъ ихъ
безпомощность и какъ-бы говоритъ, что онѣ и впредь
будутъ несчастливы, такъ какъ и стремятся-то онѣ
къ счастью-миражу, призрачности котораго немед-
ленно обнаружится при его осуществленіи. Вы-
ходить: виновны и не заслуживаютъ снисхожденія,
больны и стремятся лечиться не подходящими лека-
рствами. Ошибки въ жизни, неправильное къ жизни
отношеніе, грѣхи что-ли, тѣмъ несутъ въ себѣ кару,
что влекутъ за собою другія ошибки, другіе грѣхи.
„Грѣхъ за грѣхъ цѣпляется“, какъ говоритъ Акимъ
во „Власти Тьмы“. Сбившійся съ прямого пути и
не знающій этого—тѣмъ сильнѣе сворачиваетъ и
тѣмъ далѣе уходитъ на ложный путь, чѣмъ круче
было первоначальное отъ прямого пути уклоненіе.
И единственнымъ исходомъ является, конечно, воз-
вращеніе назадъ, къ мѣсту уклона, на прямой путь.
Евангельское: покайтесь, т. е. одумайтесь, metanescito!

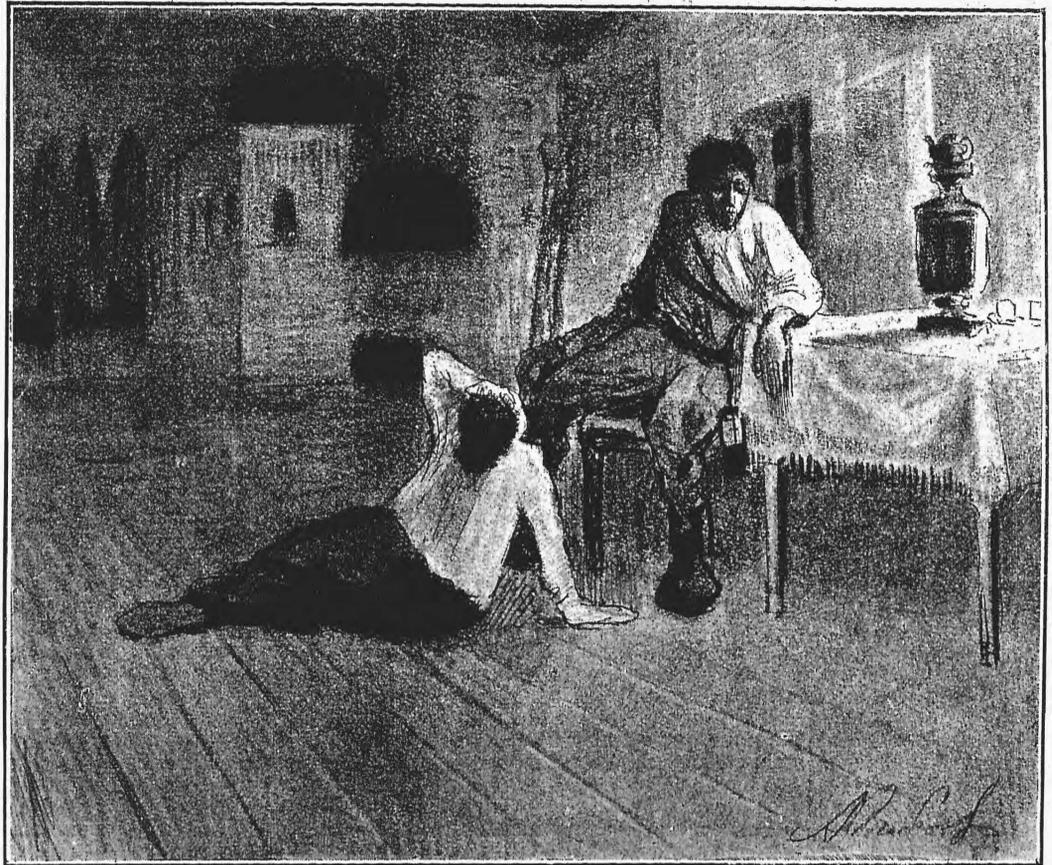
Главное несчастье сбывающегося съ пути заключается въ томъ, что онъ не знаетъ этого; больше — ему кажется, что онъ идетъ по вѣрному пути. А потому первое, что надо сдѣлать, чтобы помочь ему—это показать ему, что путь его невѣрный и придти ему на помощь и укрѣпить въ этомъ новомъ сознаниі. Если же ограничиться однимъ сочувствіемъ къ его страданіямъ, признавая ихъ неизбежность — всеобщую неизбежность, а гадательное счастье возможнымъ только черезъ нѣсколько сотълѣтъ—то только укрѣпишь его въ ложномъ сознаниі, что путь его вѣрный, — несчастный, но неизбежный, единственно возможный. Сочувствіе хорошая вещь, но надо правду сказать — всеобщее „сочувствіе“ иногда проистекаетъ изъ

хитрой мысли, что имъ легче всего тронуть сердце читателя, и что въ раскрытое такимъ образомъ любвеобильное сердце читатель принимаетъ за одно съ героями и самого писателя. И дурно то, что „размазывая“ страданіе, приучаютъ сердце читателя къ нему, и онъ понемногу начинаетъ искать наслажденія въ страданіяхъ другихъ, а иногда и въ причиненіи ихъ. Очень тяжелый упрекъ, и думаю, что сознательно никто въ этой винѣ не провинился.

И для того, чтобы не быть виноватымъ безъ вины — слѣдуетъ не злоупотреблять описаніемъ страданій, а направить свое вниманіе на другія стороны жизни. Не изъ однихъ-же маниаковъ—больныхъ состоитъ жизнь. Есть и здоровые. Есть, наконецъ, такіе больные, которые вовсе не занимаютъ ковыряніемъ своихъ ранъ, душевная жизнь которыхъ состоитъ не только изъ плача надъ своими болѣзнями и саможалобія; больные, сумѣвшіе большими душевными усилиями добиться свѣтлаго взгляда на жизнь; больные, которые нашли въ своемъ сердцѣ нравственные струны, дающія возможность извлечь изъ страданія прекрасные звуки—благородные, примиряющіе, такъ что даже иногда страданіе превращалось въ источникъ интимныхъ, нѣжныхъ радостей — изъ несчастья въ счастье.

Наша печальная жизнь рождаетъ печальныхъ поэтовъ. Но можетъ быть,—не называйте этого парадоксомъ—наши печальные поэты виноваты отчасти въ томъ, что жизнь наша печальна. Можетъ быть, самое вредное и позорное—носиться съ печалью. О, сохрани насъ Богъ отъ равнодушія къ горю! Но и отношеніемъ къ страданію, à la Чеховъ, мы ему не поможемъ. „Работать нужно, работать. Оттого намъ невесело и

—*Ш* Театръ Литературно-Художественнаго Общества. *Ш*

Шахта «Георгій», 3 дѣйствіе. Варвара и Петръ.

(Рис. А. Любимова).

смотримъ мы на жизнь такъ мрачно, что не знаемъ труда“.

„Мы родились отъ людей, презирающихъ трудъ“. Какъ будто отвѣтъ на вопросъ: „въ чемъ бѣда“. Но положительность этого отвѣта умалется тѣмъ, что говорить эти слова Ирина, которой, на приблизительно такую же тираду, практической Кулыгинѣ отвѣчаетъ фразой, взятой мной эпиграфомъ этой статьи.

Очевидно, Чеховъ не желаетъ, чтобы въ отсутствіи работы—такой простой штукѣ—заклучался отвѣтъ на вопросъ о причинѣ сложныхъ страданій его „сестеръ“. И не въ томъ, что трудъ ихъ оказывается „безъ поэзіи, безъ мыслей“—эти слова тоже вложены въ уста легкомысленной Ирины. Ну, допустимъ, у Ирины, у телеграфистки, трудъ „безъ мыслей, безъ поэзіи“. Но кто-же мѣшаетъ Ольгѣ украсить мыслями и поэзіей ея трудъ учительницы? Мысль, поэзія даже необходимы безъ нихъ, не имѣя ихъ, грѣшно браться за учительство.

С. Сутугинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старина или старье?

Чрезвычайно трудно понять, съ какой дѣлю устроена въ залахъ Императ. Общ. Поощр. Художествъ „выставка старинныхъ картинъ“. Положимъ, г. устроитель выставки въ введеніи къ каталогу пытается такимъ образомъ выяснитъ эту дѣлю: 1) „выставить на судъ всего интересующагося общества весь художественный матеріалъ древнихъ періодовъ, избранный нами, каковы-бы онъ ни былъ“ (курсивъ нашъ), 2) „выдѣлать по возможности изъ массы посредственныхъ, сомнительныхъ или ничтожныхъ произведеній все болѣе или менѣе интересное, достойное вниманіе знатока и любителя“. Но въдѣ чрезвычайно большой вопросъ, стоитъ-ли выставлять „матеріалъ, каковы бы онъ ни былъ“, ибо не въ правѣ ли мы требовать отъ художественной выставки матеріалъ дѣйствительно цѣнный въ художественномъ отношеніи? Было-бы еще понятно, если-бы г. устроитель старался пополнить какимъ-бы то ни было матеріаломъ такъ сказать пробѣлы нашего Эрмитажа, собравъ напр. коллекцію итальянскихъ художниковъ кватроченто, которые очень интересуютъ современное общество и которыхъ даже главные представители почти отсутствуютъ въ нашемъ Эрмитажѣ. Выставка носить характеръ сумбурности и случайности, собрана, какъ говорится, събору да съ сосенки: на ряду съ древними мастерами попадаются имена художниковъ XVIII и XIX столѣтій, фигурируютъ и наши художники первой половины XIX столѣтія. Завяно, что характеръ сумбурности носить на себѣ даже каталогъ выставки, разбираться въ которомъ истинная мука, такъ какъ номера въ немъ почему-то сплошь и рядомъ слѣдуютъ напр. въ такомъ порядкѣ: 16, 211, 21, 218 или 214, 23, 19, 215 и т. д. Тѣмъ не менѣе легко было бы примириться съ сумбурностью, случайностью, особенно принимая во вниманіе заявленіе г-на устроителя о „столь короткомъ срокѣ“ для собиранія картинъ, которыми онъ располагалъ (почему бы, однако, этому сроку не быть длиннымъ?), если бы дѣйствительно были представлѣны „интересный, достаточный вниманія знатока и любителя“ матеріалъ. Несомнѣнно, нѣкоторыя изъ болѣе древнихъ картинъ выставки представляютъ историко-археологическій интересъ, назову, напр., картины итальянской школы періода Византийскаго вліянія подъ №№ 224—226; несомнѣнно можно насчитать около двухъ десятковъ подлинныхъ, во всякомъ случаѣ имѣющихъ художественный интересъ произведеній болѣе или менѣе крупныхъ мастеровъ разныхъ національностей, напр. Карла Дольче („Богородица Отроковица“), Маратти, Валь-Дейка („Архидіеръ Триеста“ и „св. Севастіанъ“), нѣкоторыхъ голландцевъ, Калама, Пшубиджа, Дитерихса, Поля Делароша, нашего Тропинина. За то все остальное или подлинный хламъ старинныхъ художниковъ или хламъ не только сомнительнаго художественнаго достоинства, но и весьма сомнительнаго происхожденія, даже относительно его древности. Смѣю завѣрить г-на устроителя, что еще до сихъ поръ въ провинціи въ коллекціяхъ мѣстныхъ знатоковъ и любителей можно найти не мало совершенно аналогичныхъ произведеній, приобретенныхъ изъ оскудѣвшихъ старинныхъ барскихъ помѣстій; но тамъ они такъ и слышатъ скромно „старыми картинами“, а не подлинниками Рафаэля, Тициана, Рубенса, Иорданса, Брюллова и др. Въ лучшемъ случаѣ многіе изъ нихъ дѣйствительно старыя картины и копія слабыхъ и второстепенныхъ мастеровъ разныхъ школъ, обыкновенно — грубыя фальсификаціи, которыя заводятся Европу и такъ легко сбывались въ доброе старое время нашимъ помѣщикамъ за подлинники или современные копія доморощенныхъ крѣпостныхъ художниковъ. Удивительны въ сущности эти вѣчныя недоразумѣнія со старыми картинами, эти вѣчныя ошибки знатоковъ въ оцѣнкѣ ихъ подлинности. Казалось-бы, возможна-ли поддѣлка подъ Рубенса, Ванъ-Дейка, Рембрандта, даже нашего Брюллова; въдѣ для подобной поддѣлки надо обладать талантомъ, почти равноталанту этихъ художниковъ. Мнѣ думается, дѣло сильно затемняется такъ называемые „просвѣщенные любители“ и знатоки изъ не художниковъ: отличаясь, можетъ быть, глубиной историческихъ и археологическихъ познаній, любовью къ дѣлу, широкимъ знакомствомъ съ фактической стороной матеріала, они нерѣдко лишены того высшаго художественнаго чутія и пониманія тонкости формы, которое свойственно можетъ быть только художникамъ. Въдѣ только огромнымъ мастерамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ присуще тончайшее высшее совершенство формы, которое оказывается, вѣрнѣе даже, чувствуется въ едва уловимыхъ деталяхъ, въ подробностяхъ напр. рисунка лица, кистей рукъ, всего наиболѣе сложнаго и труднаго, въ исключительной манерѣ передавать эти детали. Глазъ художника чувствуетъ это совершенство, эту исключительность, глазъ „любителя“ и „знатока“ нерѣдко вполне

довольствуется только приблизительнымъ. При опредѣленіи подлинности и художественной цѣнности старинныхъ картинъ высшій художественный критерій въ сущности гораздо болѣе необходимъ и безошибоченъ, чѣмъ археологическія и документальныя изысканія. Правда, существуютъ юношескія и неудачныя произведенія великихъ мастеровъ, но въдѣ и въ нихъ въ тѣхъ или другихъ деталяхъ всегда скажется рука мастера; еще болѣе произведеній замазанныхъ, испорченныхъ грубыми бездарными реставраторами. Имѣютъ-ли художественную цѣнность эти произведенія, хотя бы документально и точно была доказана ихъ первоначальная подлинность? Не являются-ли они только, можетъ быть, и драгоценными реликвіями, какъ предметы, которыхъ касалась рука художника? А какъ много въ нашихъ музеяхъ старинныхъ копій, не рѣдко выдаваемыхъ за оригиналы, картинъ мало извѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ художниковъ, принадлежавшихъ той или другой школѣ, не представляющихъ иногда не только художественнаго, а даже историческаго интереса. Не являются-ли онѣ невужнымъ и даже вреднымъ балластомъ въ художественныхъ музеяхъ, не мѣсто-ли имъ гораздо болѣе въ лавкахъ старьевщиковъ и въ коллекціяхъ любителей старины? Ибо что, если не художественность, понимаемая, конечно, исторически, должна быть необходимымъ условіемъ всего выставляемаго въ художественныхъ музеяхъ и на художественныхъ выставкахъ?

Г. устроитель выставки въ Общ. Поощр. Худож. выдѣлилъ часть подобнаго баласта на хоры, открывъ ихъ тѣмъ не менѣе для обозрѣнія публики, между тѣмъ какъ даже на хорахъ, даже оговорившись, невозможно было выставлять такія, истинно апраксинскія, произведенія, какъ неизвѣстно чья буржуазная копія съ „Осады Искова“ Брюллова, копія съ извѣстной картины Греза, суздальскій портретъ какого-то восточнаго человека, чья-то курьезная лубочная проповѣдь безъ рамы, висящая надъ лѣстницей на привилегированномъ мѣстѣ „гвоздей“ и пр. Весьма многія произведенія, помѣщенные внизу, признаны „интересными, достойными вниманія знатока и любителя“, нерѣдко подлинниками великихъ и крупныхъ художниковъ, а между тѣмъ не надо быть даже особеннымъ знатокомъ, стоитъ только прогуляться хоть по Эрмитажу и познакомиться съ его шедеврами, чтобы очень усумниться въ подлинности этихъ произведеній. Возможно-ли, напр., повѣрить, чтобы картина подъ № 57 „Геркулесъ и Омфала“ съ ея мятымъ, лубочнымъ рисункомъ принадлежала кисти Иорданса, въ мясистыхъ, утрированныхъ фигурахъ котораго всегда столько знанія, такой сильный и своеобразный рисунокъ; чтобы слабая копія „Pietà“ Ванъ-Дейка, гдѣ такъ слабо рисованы, напр., фигура Ангела, головки, кисти рукъ, была бы собственнымъ повтореніемъ художника, оригиналы котораго всегда поражаютъ удивительной тонкостью въ передачѣ подробностей формы, изяществомъ и гибкостью линий; чтобы „Св. Семейство“ (№ 239) было не обезображеннымъ подлинникомъ Поля Веронеза? Неужели эти три деревянныхъ „курфюрста“ самаго суздальскаго пошиба (№ 233) принадлежать дѣйствительно сухой, но тонкой кисти Луки Крахаха?

Вотъ художники русской школы. Неужели блестящій виртуозный рисовальщикъ Брюлловъ могъ написать такой слабый этюдъ извѣстной „Вирсавіи“, гдѣ напр. въ рисунокѣ поги столько неумѣлости, незванія самаго зауряднаго копировщика, или такого ужаснаго чернаго „Итальянскаго нищаго“? Мнѣ кажется, Ванъ-Дейкъ, Брюлловъ органически нарочно не могли бы рисовать такимъ образомъ; въ самыхъ незаконченныхъ эскизныхъ вещахъ ихъ само собой сказывается ихъ удивительное мастерство и званіе. Не могъ и нашъ тонкій прекрасный художникъ Венеціановъ изобразить такъ лубочно грубо, съ такимъ отсутствіемъ элементарнаго рисунка „Двухъ мальчиковъ“. Обидно даже за Басина и Шебуева, несомнѣнно хорошихъ рисовальщиковъ въ академическомъ смыслѣ: такіе безграмотные этюды имъ приписаны. Г. устроитель выставки слагаетъ отвѣтственность въ подлинности собранныхъ имъ повидимому изъ частныхъ коллекцій картинъ на гг. „владѣльцевъ и коллекціонеровъ“, собственниковъ картинъ. Безъ сомнѣнія, гг. владѣльцамъ и коллекціонерамъ, можетъ быть, очень лестно владѣть Тицианами, Веронезами, Брюлловыми и др. сомнительнаго происхожденія, рыночнаго и доморощеннаго производства, но какое же дѣло публикѣ до вкусовъ этихъ гг. владѣльцевъ и коллекціонеровъ, и резонно-ли почтенному Обществу П. Х. гостеприимно открывать свои двери выставкѣ, весьма смахивающей на лавочку старьевщика?

А. Ростиславовъ.

— Театръ Литературно-Художественнаго Общества. —

Шахта «Георгій». 4 дѣйствіе — внутренній видъ шахты.

(Рис. А. Любимова).

ХРОНИКА

театра и искусства.

Какъ мы слышали, передѣлка романа Л. Н. Толстого „Воскресеніе“ разрѣшена къ представленію исключительно М. Г. Савиной. Съ этой пьесой артистка предполагаетъ сдѣлать турнѣ по Россіи.

* * *

† В. А. Степановъ. Ночью съ 25 на 26 октября скоропостижно скончался Владиміръ Александровичъ Степановъ, владѣлецъ лѣтняго театра въ Стрѣльнѣ. В. А. незадолго до смерти намѣревался устроить зимній театръ въ Стрѣльнѣ. До занятія антрепризой В. А. служилъ по интендантству.

* * *

Начались работы по перестройкѣ Малаго театра. Обращено особое вниманіе на противопожарныя мѣры. Между прочимъ, въ театрѣ будутъ устроены автоматически открывающіяся двери, по образцу имѣющихся въ „Народномъ домѣ“. Всѣ двери въ театрѣ въ любой моментъ могутъ быть открыты посредствомъ особаго приспособленія. Полъ сцены будетъ сдѣланъ изъ негоряемаго дерева, а люки и прочія приспособленія сцены—изъ металла. Число выходовъ будетъ увеличено до 5, съ такимъ расчетомъ, чтобы одинъ выходъ пришелся на 75 человѣкъ. Самый театръ также значительно увеличится. Будетъ расширена сцена и увеличенъ партеръ.

* * *

Среди петербургскихъ театраловъ образовался небольшой кружокъ, поставившій себѣ задачей художественную поста-

новку пьесъ. Въ кружкѣ, въ которомъ принимаютъ участіе лица, хорошо знакомыя съ постановкой дѣла въ Московскомъ Художественно-Общедоступномъ театрѣ, въ настоящее время идутъ дѣятельныя приготовленія и репетиціи перваго спектакля, который состоится 3-го ноября въ залѣ Павловой. Поставлено будетъ «L'intruse» (Втируша) Мориса Метерлинка, «Въ день свадьбы» Артура Шнитцеля и «Пьеро плачущій и Пьеро смѣющийся» Э. Ростана. Внешнее убранство сцены обѣщано быть оригинальнымъ. Все будетъ сдѣлано по рисункамъ извѣстнаго художника Лансере въ мастерскихъ Лейферта.

* * *

Слухи.

— Судьямъ по присужденію грибоѣдовской преміи обществомъ русскихъ драматическихъ писателей переданы для чтенія пьесы; въ январѣ результатъ присужденія будетъ извѣстенъ.

— С. И. Смирнова закончила новую комедію «Алчущіе и жаждущіе».

— К. И. Дестомбъ принята въ составъ труппы попечительства о народной трезвости.

— По словамъ газетъ, въ декабрѣ состоится въ одномъ изъ клубовъ спектакль адвокатовъ. Пойдетъ «Гамлетъ» или «Король Лиръ».

— Въ бенефисъ С. Ф. Сабурова въ театрѣ «Фарсъ» пойдетъ новая комедія-шутка московскаго фельетониста г. Пека «Ночь въ вагонѣ».

— «Нов.» сообщаютъ, что дирекція Императорскихъ театровъ заключила контрактъ съ танцовщицей Карлоттой Замбелли.

— Въ театрѣ Шабельской на будущей недѣлѣ пойдетъ пьеса изъ китайской жизни «Ти-ен-ти».

* * *

Михаилъ Ильичъ Татариновъ, юбилей котораго на-дняхъ справлялся въ Уральскѣ, родился въ 1860 г. въ С.-Петербургѣ. Воспитаніе получилъ въ военной гимназіи. Въ 1876 г. М. И. уже выступилъ въ первый разъ въ качествѣ актера на сценѣ Нѣмецкаго клуба у артиста Императорскихъ театровъ М. А. Стрекалова (роль Якова Сушкина въ комедіи Крылова «По духовному завѣщанію»). Въ продолженіи

М. М. Татариновъ.

(Къ 25 лѣтію сценической дѣятельности).

25 лѣтъ М. И. занималъ амплу простаковъ съ пѣніемъ, и только теперь переходитъ на характерныя и комическія роли. Татариновъ служилъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Н. Новгородѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Кавани, Воронежѣ, Владивостокѣ, Архангельскѣ, Екатеринбургѣ, Перми, Ярославлѣ, Орлѣ, Тулѣ, Костромѣ, Симбирскѣ, Ростовѣ, Новочеркасскѣ, Оренбургѣ, Рязани, Витебскѣ и др. Въ настоящее время М. И. находится въ труппѣ В. Н. Викторова, въ г. Уральскѣ.

* * *

Московскія вѣсти.

— Юбилей Н. И. Музиля въ московскомъ Маломъ театрѣ отпразднованъ торжественно. Въ первомъ антрактѣ началось чествованіе артиста, продолжавшееся также послѣ четвертаго акта; по окончаніи пьесы юбилару подано нѣсколько лавровыхъ вѣнковъ съ юбилейной датой изъ цвѣтовъ въ срединѣ, изящный золотой вѣнокъ античной формы, два серебряныхъ вѣнка, портреты А. Н. Островскаго съ названіями ролей изъ тѣхъ его произведеній, въ которыхъ артистъ выступалъ на казенной сценѣ, и съ фотографическими изображеніями самаго Н. И. Музиля въ костюмахъ и гримѣ этихъ ролей; серебряная стильная амфора и много другихъ цѣнныхъ подарковъ.

— По слов. «Кур.», зимой въ Москвѣ состоятся гастроли Коклена.

— Юбилейный спектакль въ Маломъ театрѣ по поводу пятидесятилѣтія литературно-драматической дѣятельности А. А. Потѣхина состоится 15 ноября. Какъ извѣстно, пойдетъ драма юбилара «Отрѣзанный ломоть».

— Въ ноябрѣ въ Большомъ театрѣ состоятся гастроли А. И. Антоновскаго.

— Съ артистомъ казенной оперной труппы г. Вольнскимъ возобновленъ контрактъ еще на два года.

— Гастроли Адель Зандрокъ состоятся въ Маломъ театрѣ. — На-дняхъ въ Москвѣ пойдетъ пародія-водевиль на «Контрабандистовъ», составленный г. Серполетти.

— Однимъ изъ московскихъ музыкальныхъ дѣятелей законченъ переводъ оперы извѣстнаго піаниста Падеревскаго—«Манру», которая пойдетъ впервые на сценахъ Императорскихъ театровъ.

* * *

Панаевскій театр. Шахта „Георгій“ Е. П. Карпова—пьеса изъ жизни углекоповъ—имѣла шумный успѣхъ: автора вызывали гораздо больше, чѣмъ артистовъ, и на первомъ, и на второмъ представленіи. Общее названіе „пьеса“ соответствуетъ этому произведенію болѣе, чѣмъ драма. Драматическая коллизія пьесы—измѣна жены шахтера—занимаетъ сравнительно скромное мѣсто. Взрывъ шахты—кульминаціонный, такъ сказать, пунктъ интереса—не поставленъ ни въ какую связь съ драматическимъ положеніемъ: взрывъ является случайнымъ послѣдствіемъ неосторожно закурившей въ шахтѣ папироски. Все указываетъ на то, что авторъ имѣлъ въ виду не столько пьесу

характеровъ или интриги, сколько картину быта и жизни углекоповъ, — картину, если не ошибаемся, впервые воспроизводимую на сценѣ.

Общая картина быта состоитъ изъ двухъ полусферъ: труда и досуга. Противоположеніе это въ жизни углекоповъ пріобрѣтаетъ особенно яркій характеръ: подземный трудъ и надземная радости. Подземный трудъ ужасенъ, жестокъ, изнурителенъ. Достаточно посмотреть на эти худыя фигуры, черныя отъ сажи, закоптыя отъ дыма, увядшія безъ солнца и воздуха, чтобы почувствовать величайшее состраданіе къ этимъ рабамъ промышленнаго прогресса. Внутреннихъ, социальныхъ условий жизни углекоповъ, какъ не трудно догадаться, авторъ старательно избѣгалъ, такъ какъ подобная пьеса не имѣла шансовъ попасть на сцену. Но и того, что есть, вполне достаточно, чтобы чуткій зритель почувствовалъ картину, дополнивъ недостающее своимъ воображеніемъ.

Недостаткомъ пьесы намъ кажется сентиментальность автора. Чувствительность звучитъ диссонансомъ въ этомъ мрачномъ царствѣ шахтъ. Ледящій мужиченка Петра, которому видятся въ шахтѣ призраки, выносящій на своихъ плечахъ своего обидчика Егора и сентиментально поникшія головою надъ его трупомъ, особенно въ исполненіи г. Орленева, актера па роли „нейрастениковъ“, кажется мотивомъ „изъ другой оперы“. Въ мрачной картинѣ полутонныя краски мѣшаютъ впечатлѣнію. Жизнь, рѣзкая въ своихъ очертаніяхъ, создаетъ рѣзкихъ героевъ, трудъ, требующій стальныхъ мускуловъ и выносливости горнаго животнаго, воспитываетъ и подготавливаетъ характеры рѣшительные, прямые и сосредоточенные. Г. Карповъ, въ лицѣ своего Петра, заплатилъ дань своему „народничеству“. Это литературное направленіе никогда, даже въ пору наибольшаго своего расцвѣта, не отличалось трезвостью и ясностью наблюденія и сбивалось на фальшивую идеализацію.

Къ достоинствамъ пьесы слѣдуетъ отнести весьма легкій, нисколько не сочиненный, народный языкъ, которымъ отличаются, впрочемъ, всѣ народныя пьесы г. Карпова. Языкъ пьесы портится только тогда, когда авторъ уходитъ отъ бытописателя и становится сентиментальнымъ искателемъ „перловъ народной души“, и всего больше шероховатостей языка встрѣчается именно у Петра, котораго мы назвали бы самымъ неправдоподобнымъ героемъ этой, въ общемъ, вѣрной и живой картины народнаго быта.

Поставлена пьеса очень старательно и эффектно. Декорации колоритны и живописны. Взрывъ шахты воспроизводится мастерски, но дальнѣйшая, за взрывомъ слѣдующая сцена кажется намъ скомканной: перекликаться вдали слѣдовало бы дольше, постепеннѣе, и появленіе на мѣсто взрывовъ группы шахтеровъ можно было бы поставить эффектнѣе.

Исполненіе главныхъ ролей, не отличаясь особыми достоинствами, въ общемъ, гладкое и увѣренное. Среди исполнителей второстепенныхъ ролей нельзя не отмѣтить г. Хворостова, очень типичнаго шахтера.

* * *

«Петербургскія Трущобы» въ передѣлкѣ Н. Ф. Арбенина идутъ въ первый разъ 8 ноября. Премированная пьеса «Предки» поставлена будетъ въ бенефисъ К. В. Бравича.

* * *

Литературная дѣятельность актеровъ. Изъ премированныхъ въ нынѣшнемъ году пьесъ, представленныхъ на конкурсѣ Литературно-Художественнаго Общества, три написаны настоящими или бывшими актерами: «Дѣти Ванюшина» С. А. Найденовымъ, бывшимъ воспитанникомъ московскаго «Филармоническаго училища»; «Безъ солнца» П. П. Вейнбергомъ (служить въ Уральскѣ у Викторова) и «Милліоны въ огнѣ» бывшимъ суфлеромъ Л. Г. Ждановымъ. Среди обратившихъ на себя вниманіе пьесъ имѣется произведеніе г. Расудова «Душа и Тѣло». П. Л. Скуратовъ издалъ изящно отпечатанную книжку подъ названіемъ «Среди падшихъ»—разсказы на модную нынче «трущобную тему». Фототипія изображаютъ г. Скуратова въ гримѣ одного изъ героевъ. Слѣдуетъ сознаться, что черты г. Скуратова слишкомъ добродушны для изображенія трущобныхъ «изверговъ естества». Готовится къ выпуску новая книжка г. Скуратова, подъ названіемъ «Жизнь ночью».

* * *

Книжныя новости. Вышли въ свѣтъ лекціи нѣмецкаго профессора Карла Боринскаго «Театръ», въ переводѣ приват-доцента Б. В. Варнеке, съ примѣчаніями и тремя дополнительными статейками послѣдняго. Лекціи эти имѣютъ историко-литературный характеръ.

Вышло роскошное и очень не дорогое изданіе «Злой Ямы» К. И. Фоломѣева, стоящее 75 коп.

* * *

Правительство разрѣшило учрежденіе комитета для постановки памятника Шопену въ Варшавѣ. Во главѣ комитета стоитъ пѣвица Аделаида Болеска (графиня Брохочкая) и многие члены польской аристократіи, какъ Чарторыйскіе, Замойскіе, Радзивиллы, Любомирскіе и т. д. Приглашены скульпторы различныхъ странъ, въ особенности Франціи.

* * *

Своеобразная полемика между нѣкими г. Полиловымъ съ одной стороны и А. М. Горинымъ-Горайновымъ и И. Ярономъ съ другой. Г. Полиловъ обвиняетъ послѣднихъ въ томъ что они взяли, безъ его вѣдома, изъ цензуры, его, Полилова, переводъ фарса «M'amour» и «лучшія сцены» вставили въ свой переводъ, идущій на сценѣ театра «Фарсъ». Г. Горинъ и Яроноу опровергаютъ это. «Лучшія сцены перевода»—можно подумать, что дѣло идетъ о переводѣ Шекспира. Какъ дѣлались переводы фарсовъ въ прежнее время—мы знаемъ: ихъ дѣлалъ гимназистъ за 25 руб.

* * *

Новый театр. «Перекаты», ком. въ 4-хъ д. кн. В. В. Барятинскаго. Комедія эта имѣла весьма крупный успѣхъ на первомъ представленіи 22 октября. Содержаніе «Перекатовъ» заключается въ слѣдующемъ: Киссингеръ (г. Дарскій)—важное лицо—имѣетъ жену и секретаря Наблочкиаго. Киссингеръ—полнѣйшій рамоли, реагирующий только на два-три воздѣйствія и преимущественно: на направленіе вѣтра, чтобы по немъ носъ держать, и на хорошенкыхъ женщинъ. Кручинина (г-жа Яворская)—хорошенькая женщина—вдова богатаго купца, княжна по происхожденію и окончившая высшіе женскіе курсы—хочетъ устроить въ этомъ городѣ фельдшерскіе курсы и добивается содѣйствія Киссингера. Не сочувствуя въ идеѣ предпріятію Кручининою, Киссингеръ не можетъ отказать хорошенкой женщинѣ. Первый актъ происходитъ у Киссингера въ часы пріема—сцена представляетъ двѣ комнаты: одну—кабинетъ Киссингера, другую—приемную. Самый «пріемъ» пріятелей секретаремъ Наблочкиимъ (г. Баратовъ) поставленъ въ режиссерскомъ отношеніи очень удачно и написанъ авторомъ не безъ наблюдательности и юмора. Зрительный залъ смѣется тѣмъ, «лукавымъ» смѣхомъ, которымъ смѣялся и на возобновленіи «Мишуры». Второе дѣйствіе въ домѣ Кручининою. Декорація—богатая, роскошная гостинная, нарисованная г. Изенбергомъ въ стилѣ „moderne“. Раарѣшеніе на открытіе курсовъ получено. Курсы открываются, и по этому случаю Кручинина устраиваетъ раутъ. Здѣсь-же мы узнаемъ, почему пьеса названа «Перекатами»—слово, которое въ послѣднее время какъ разъ часто встрѣчалось въ газетахъ по поводу затрудненій на волжскихъ перекатахъ. Послѣднія затрудненія устранены, и авторъ пьесы «Перекаты» утѣшаетъ насъ, что живая рѣка поборетъ и всякіе другіе перекаты и временныя задержки. Наблочкий уговариваетъ патрона сказать рѣчь курсисткамъ. Тотъ и говоритъ—длинную, путанную, безпомощную, характерную—мѣстная публика аплодируетъ; одна Кручинина съ трудомъ удерживаетъ смѣхъ. Нѣкоторою искусственностью отличаются у автора отношенія такой милой и просвѣщенной женщины, какъ Кручинина, къ такому господину, какъ Наблочкий—чистокровный Молчалинъ. Выборъ въ высокой степени неудачный. Наблочкий—знакомый типъ секретарей-красавцевъ, кокодесовъ, негодяевъ. Наблочкий одновременно „амурничаетъ“ и съ м-ме Киссингеръ (г-жа Арнольди) и—вѣроятно, по этому—послѣдняя застаётъ его въ очень янтимномъ tête-à-tête 'ѣ съ Кручининою. Занавѣсь. Въ третьемъ актѣ—дѣйствіе происходитъ въ гостинной Киссингеръ—объясненіе Наблочкиаго съ м-ме Киссингеръ. Ловкому молодому человѣку удается оправдаться. Ревность толкаетъ возбѣшенную соперницу уговорить мужа закрыть курсы Кручининою, что ей удается. Киссингеръ посылаетъ за Кручининою, чтобы объявить ей, будто на закрытіе курсовъ получено приказаніе изъ Петербурга. Слѣдуетъ очень горячее объясненіе сначала о курсахъ, потомъ о любовникѣ. Кручинина заявляетъ, что Наблочкий уже три года ея „гражданскій мужъ“; м-ме Киссингеръ, что оъ съ ней—въ интимныхъ сношеніяхъ, безъ всякаго „гражданскаго элемента“. Четвертое дѣйствіе происходитъ въ помѣщеніи Наблочкиаго, въ домѣ Киссингеръ. Наблочкий занятъ составленіемъ доклада о закрытіи курсовъ. Является м-ме Киссингеръ, которую Наблочкий увѣряетъ въ своей любви, истинной и неизмѣнной, затѣмъ еще нѣсколько лицъ и, наконецъ, по уходѣ ихъ, Кручинина, которой Наблочкий тоже напѣваетъ любовныя пѣсни. Кручинина жалуется ему на неудачи съ курсами и проситъ его помощи. Наблочкий говоритъ, что оъ тутъ не при чемъ—оъ даже не освѣдомленъ о ходѣ дѣла. Но тутъ вбѣгаетъ общій пріятель (г. Ростовъ) съ просьбой къ Наблочкиму отъ Киссингера немедленно представить составленный имъ докладъ о курсахъ. Кручинина поражена, бросается къ письменному столу, послѣ борьбы вырываетъ у Наблочкиаго свѣженькій докладъ о

курсахъ въ „извѣстномъ направленіи“. „Гражданскій мужъ“ обрисовывается во всей своей дрянности, Кручинина убѣгаетъ, предварительно ударивъ его по лицу этимъ самымъ докладомъ. „При свидѣтелях!“ восклицаетъ Наблочкий. Занавѣсь.

Пьеса имѣла, какъ мы уже отмѣтили, шумный успѣхъ, чему кромѣ бойкой манеры автора и извѣстнаго остроумія, весьма содѣйствовали „гражданскіе мотивы“ пьесы и горячія тирады Кручининою на темы, близкія образованному русскому обществу. Это—пьеса скорѣе обличенія, нежели интриги, хотя и интрига ведется ловко и находчиво. Пьеса горячо протестуетъ противъ затхлости общественной атмосферы, и для этой цѣли не пренебрегаетъ нѣкоторыми искусственными эффектами. Думается, что и выраженіе „гражданскій мужъ“ едва ли мыслимо, при данныхъ условіяхъ, въ устахъ благовоспитанной и просвѣщенной женщины, и что это скорѣе вызовъ, брошенный условной морали, нежели черта художественнаго объективизма, но, быть можетъ, именно потому, благодаря хорошей тенденціи, отъ „Перекатовъ“ вѣетъ свѣжимъ, чистымъ воздухомъ гражданскаго сознанія. ДIALOGъ, въ общемъ, живой и бойкій, мѣстами страдаетъ нѣкоторою наивностью; такъ авторъ прибѣгаетъ иногда къ манерѣ играть словами: называютъ, напримѣръ, героиню снимъ чулкомъ и возражаютъ на это, что она не синій чулокъ, а скорѣе ажурный и т. д. Но не будемъ говорить о недостаткахъ. Общее впечатлѣніе отъ пьесы пріятное, высчитывать недостатки—дѣло слишкомъ легкое.

Г-жѣ Яворской весьма удаются роли, вродѣ Кручининою. Она даетъ монологамъ „гражданскаго характера“ нужную стремительность и необходимый пагосъ. Киссингеръ—г. Дарскій—хорошо загримировался, находилъ мѣстами удачныя интонаціи, но переигрывалъ. Не слѣдуетъ такъ стараться. Г. Баратовъ-Наблочкий, актеръ съ хорошими данными, прекрасной фигурой, свободнымъ жестомъ, умѣнемъ придумывать эффекты и передавать ихъ, но оъ все это портитъ непріятной манерой относиться къ ари-

Кн. В. В. Барятинскій.

(Авторъ пьесы «Перекаты»).

телю. Объяснюсь. Въ семьяхъ, гдѣ много и неумѣло балуютъ дѣтей,—они привыкаютъ, чтобы каждымъ ихъ словомъ, жестомъ восхищались, восторгались, ахали и охали. Въ семьи такіа дѣти—недалекія—имѣютъ привычку оглядываться за каждой своей фразой, каждымъ жестомъ, чтобы посмотреть, какое они произвели впечатлѣніе, раз-

считывая полюбоваться вызванным восторгомъ. Г. Баратовъ скажетъ слово и сейчасъ же спрашивается: jolі!

С. Сутугинъ.

* * *

Балетъ. Приятно видѣть, когда молодой талантъ развивается и идетъ въ гору. 21 октября, на нашей сценѣ, въ балетѣ „Баядерка“, въ роли „Никин“, въ первый разъ выступила московская балерина Е. В. Гельцеръ. Я помню г-жу Гельцеръ, года три тому назадъ, когда эта даровитая танцовщица занимала въ нашей труппѣ мѣсто солистки, и увидѣлъ ее теперь. Какая метаморфоза! Не хочется вѣрить, что это та самая тацовщица, которой съ трудомъ давали отдѣльныя отвѣтственныя расы, а теперь она явилась къ намъ балериною и представляетъ центральную фигуру въ труппѣ, и притомъ фигуру, достойную вниманія.

Къ каствъ поборницъ „италианщины“ ружно причислить, несомнѣнно, г-жу Гельцеръ, хотя, въ заслугу буди ей сказано, ея танцы всетаки облагорожены поѣтическимъ вкусомъ, красотой и изяществомъ формъ. Безъ сомнѣнія, эту сторону ихъ достоинства слѣдуетъ приписать таланту маститаго профессора Х. П. Югансонъ, который, какъ артистъ добраго стараго времени до на стоящей минуты остался вѣренъ вкусамъ французской школы.

— Театръ Лит.-Худ. Общества. —

Шахта «Георгій». Г. Хворостовъ въ роли Амчарина.

(Рис. С. Панова).

Какъ „танцовщица“, г-жа Гельцеръ имѣла большой успѣхъ. Публика принимала ее восторженно, даже черезчуръ. Но какъ „артистка“, московская балерина заставляетъ желать многоаго. Роль „Никин“ даетъ благодарный матеріалъ для мимико-драматическаго таланта, но мимическія сцены у г-жи Гельцеръ, не исключая даже такихъ эффектныхъ, какъ сцена ревности и сцена отравленія, прошли какъ-то блѣдно, безъ темперамента и безъ художественнаго рельефа.

Изъ танцевъ, лучше всего артисткѣ удалось трудныя въ техническомъ отношеніи, съ двойными турами, классическія вариации въ 5-й картинѣ („дарство тѣней“) и, пожалуй вариация въ 3-й картинѣ. Въ общемъ, г-жа Гельцеръ сдѣлала за эти два-три года большіе успѣхи и въ настоящее время можетъ сравниться съ любой изъ первоклассныхъ нашихъ балеринъ.

Весь балетъ прошелъ съ шумнымъ успѣхомъ. Кстати сказать, съ тѣхъ поръ, какъ г-жа Съдова начала брать уроки у нашей бывшей балерины Евг. П. Соколовой, ея танцы стали воспринимать ту мягкость и граціозность формъ, которыя несомнѣнно говорятъ за пользу этихъ уроковъ.

Изъ исполнителей мужскихъ ролей, прежде всего назову всегда изящнаго и адегантнаго г. Гердта (Солоръ), а затѣмъ — гг. Булгакова (великій браминъ), Дистова (раджа) и великолѣпнаго факира Магдавая — г. Векефи.

Въ заключеніе не могу не сказать, что не мѣшало бы, кому слѣдуетъ, обратить вниманіе на гримировку гг. артистовъ, а въ особенности артистокъ. Не говоря уже о

томъ, что отсутствіе надлежащаго грима уже нарушаетъ самый стиль балета, но среди артистокъ находятся и такія жрицы искусства, которыя появляются на сцену съ „забѣленными руками“, но „съ темно-краснымъ лицомъ“. Неужели, загримировавъ лицо, трудно подгримировать руки?..

Театръ былъ полонъ.

Н. Ф.

* * *

Петербургскій театр. Сказаніе о томъ, какъ одна наивная институтка гадала, и что изъ этого произошло — составляетъ содержаніе пьесы г-жи Шабельской „Лиза Ракитина“, поставленной въ прошлое воскресенье.

Шестнадцатилѣтняя институтка Лиза Ракитина (г-жа Шабельская — не кто иная) выбѣжала на улицу, чтобы узнать имя перваго встрѣчнаго. Лизѣ посчастливилось: только что она вышла на улицу — на встрѣчу ей бравый гусарскій ротмистръ... «Какъ зовутъ?». «Павломъ»... Любопытство Лизы удовлетворено, но не удовлетворено оно у гусара. Ему захотѣлось узнать, кто эта хорошенькая дѣвушка. Не долго думая, онъ «облапилъ» Лизу. Но предательскій платокъ, въ который была закутана Лиза, сползъ, и обнаружилось короткое институтское платье. Ошибка разъяснилась. Гусаръ, извинившись, удалился. Занавѣсъ. Вотъ содержаніе перваго акта новой пьесы г-жи Шабельской Остаются еще... семь актовъ. Проходитъ годъ... Лиза Ракитина не только сняла институтское платье, но и превратилась въ невѣсту. Жениха ее, однако, вовзугъ не Павломъ, а Владимиромъ. Владимиръ Лоринъ (г. Августовъ) — товарищъ прокурора. Служебная дѣла вызываютъ Лорина въ Петербургъ. Онъ уѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ, оставивъ Лизу одну. Она скучаетъ. Какъ вдругъ является гусаръ, на саблю опираясь, графъ Бутурлинъ (г. Рамазановъ). Оказывается, что этотъ Бутурлинъ тотъ самый гусаръ, который «облапилъ» Лизу въ чудный рождественскій вечеръ. Онъ долго искалъ ее и, наконецъ, нашель. Лорину уступить Лизу онъ никакъ не согласенъ, да она сама не прочь теперь порвать съ товарищемъ прокурора, но не рѣшается нарушить данное слово.

Бутурлинъ мчится въ Петербургъ къ Лорину, и застаетъ его за письмомъ къ Лизѣ. Онъ пишетъ, между прочимъ, «прости мою невольную вину моего долгаго отсутствія». Та же сцена указываетъ, кромѣ безграмотности, и на другое слабое мѣсто тогдашнихъ гг. прокуроровъ: они отличались рѣдкой несообразительностью. Лоринъ, напр., долго думалъ, что послать Лизѣ: телеграмму или письмо? Остановился онъ на послѣднемъ, причемъ рѣшилъ, что сегодня отправить письмо, а завтра отправится самъ, т. е. прибудетъ туда, если не раньше, то одновременно съ письмомъ...

Подлѣ бурнаго объясненія между гусаромъ и прокуроромъ, оба покатили къ Лизѣ. Лоринъ дѣлаетъ ей грубую сцену. Бутурлинъ вступаетъ за нее и дѣло оканчивается вызовомъ на дуэль. Дуэль происходитъ въ лѣсу. Пифъ-пафъ... и оба падаютъ: Лоринъ на лѣвый бокъ, а Бутурлинъ — на правый. Изъ-за кустовъ вылетаетъ Лиза и съ крикомъ бросается почему-то не къ Бутурлину, котораго она до безумія любитъ, а къ Лорину, къ которому совершенно равнодушна. Лоринъ тутъ же умираетъ, а Лиза въ отчаяніи, но все же идетъ подъ вѣнецъ съ чуть живымъ Бутурлинымъ. Рождественское гаданье, такимъ образомъ, оправдалось.

8-я и послѣдняя картина (кстати сказать, совершенно неожиданная для публики, такъ какъ на афишѣ точно сказано, что пьеса «въ 5 д. и 7 карт.») происходитъ на Кавказѣ, въ крѣпости. Изъ обстановки этой сцены публика убѣдилась, что «новый стиль» существовалъ еще въ 1877 году и даже въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ на Кавказѣ. По крайней мѣрѣ, декорации 8-й картины сдѣланы въ «декадентскомъ» духѣ. Въ крѣпости посланъ Бутурлинъ на дуэль. Онъ хандритъ, такъ какъ думаетъ, что жена его совершенно разлюбила. Но скоро все разъясняется: Лиза потому сторонится мужа, что передъ ней вѣчно стоитъ образъ «мертвеца». Чтобы спасти отъ «мертвеца», Лиза отправляется сестрой милосердія на театръ военныхъ дѣйствій.

Вотъ и все. Съ одной стороны, это, по любимому выраженію нѣмцевъ, «немножко много», а съ другой, какъ говорятъ французы, «такъ мало, какъ ничего».

Семнадцатилѣтнюю Лизу Ракитину играла, какъ я уже сказала, г-жа Шабельская. Иллюзія была полная. Но она была бы, разумѣется, еще полнѣе, если бы г-жа Шабельская заглавную роль своей пьесы исполнила своевременно, т. е. въ 1877 г., къ которому относится дѣйствіе.

Остальные исполнители: г-жи Красовская, Дыбчинская, Яроцкая, гг. Августовъ, Николаевъ-Маминъ и др. играли очень старательно. Бѣдны!

Другая новинка текущей недѣли — «Прочь съ дороги!» драм. сцены въ 5 д., Н. Д. Павлова и Ф. Н. Лагернера — имѣла большой успѣхъ, чѣмъ пьеса г-жи Шабельской. Правда, и эта пьеса мало удовлетворитъ требовательнаго зрителя, но извѣстнаго интереса она все же не лишена. «Общественный дѣятель» новѣйшей формации и различные представители

провинціального общества очерчены довольно удачно. Центральная интрига пьесы—борьба отца и сына, полюбивших одну и ту же дѣвушку—мелодраматична. Но можетъ быть именно поэтому пьеса и имѣла у публики извѣстный успѣхъ. Главный недостатокъ пьесы въ томъ, что авторы «предупреждаютъ» событія. Передъ каждымъ сценическимъ эффектомъ они какъ бы дѣлаютъ анонсъ: сейчасъ-де произойдетъ то-то и то-то. Это ослабляетъ впечатлѣніе. Авторовъ вызвали послѣ III-го и IV-го дѣйствій.

Въ пьесѣ есть нѣсколько благодарныхъ ролей. «Общественнаго дѣятеля» съ выдержкой игралъ г. Петросьянъ. Г-жа Инсарова мѣстами выразительно, а мѣстами совершенно блѣдно играла дѣвушку, въ которую влюбляются отецъ и сынъ. Г. Гинкуловъ, молодой докторъ, повидимому, много работаетъ надъ діалогомъ. И эта работа даромъ не пропадаетъ: въ данной роли у него было не мало удачныхъ интонацій. Весело игралъ нелѣпую роль стараго князя г. Бережной, хотя «княжескихъ» манеръ у него нѣтъ. Новая артистка г-жа Яроцкая, повидимому, еще малоопытна. Но задатки, помимо прекрасныхъ внѣшнихъ данныхъ, у нея есть: хорошо поставленный голосъ, мягкія манеры, свобода въ движеніяхъ, искренность и простота рѣчи. Пока ей удаются только сцены, гдѣ не требуется подъема. Но зачѣмъ она, играя бѣдную гувернантку, нацѣпила такую уйму бриллиантовъ?.. Другой дебютантъ г. Рамазановъ даже не потрудился выучить роли.

А все-таки: для чего существуетъ театръ г-жи Шабельской? Второй сезонъ я хочу разрѣшить этотъ вопросъ, да все никакъ не могу.

Вл. Линскій.

* * *

Въ субботу, 20 октября, въ желѣзнодорожномъ клубѣ, состоялся первый, въ текущемъ сезонѣ вечеръ Петербургскаго общества любителей музыкальнаго и драматическаго искусства. Большой успѣхъ выпалъ на долю драматическаго отдѣла кружка, въ программу котораго вошла драма В. Александрова «Въ новой семьѣ». Публика шумно принимала г-жу Отрадину, которая, дѣйствительно, хорошо справилась съ ролью учительницы Комаровой. Изъ другихъ исполнителей слѣдуетъ отмѣтить г-жу Миловидову и А. Мальскаго въ роляхъ Паши и Воскобоева. Шедшій за пьесой В. Александрова водевилъ былъ хорошо разыгранъ г-жей Яновой, г. Муравьевымъ, Жуковскимъ. Слѣдовало бы побольше срепетовать куплеты. Музыкально-драматическому кружку, имѣющему въ своемъ распоряженіи собственный оркестръ, допускать такія недоразумѣнія въ водевиляхъ едва ли позволительно.

* * *

Комедія А. А. Потѣхина «Вакантное мѣсто» допущена драматической цензурою къ исполненію на провинціальныхъ сценахъ.

* * *

Ново-Адмиралтейскій театръ. Поставленная 21 октября въ Ново-Адмиралтейскомъ театрѣ трехъактная комедія Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинскаго» имѣла у мѣстной публики шумный успѣхъ.

Г. Вехтеръ, показавшій себя въ этой пьесѣ толковымъ режиссеромъ, игралъ Кречинскаго въ обычномъ своемъ тонѣ. Хорошъ былъ г. Травскій въ роли Расплюева; съ большимъ юморомъ онъ произноситъ полицейскому чиновнику, спрашивающему у него фамилію, слова: «я... я безъ фамиліи».

Изъ другихъ исполнителей отмѣчу г. Руднева (Нелькина)... Удачны были также г. Бронинъ-Славскій въ роли Муромскаго и г-жа Ашанина въ роли Лидочки.

«Въ старые годы» Шпажинскаго, поставленные въ этомъ же театрѣ на другой день, прошли также недурно. Но знатъ роли подтверже, во всякомъ случаѣ, исполнителямъ не мѣшало. Лучшими исполнителями въ этой пьесѣ были г. Богдановъ-Невскій—Рахмановъ, г-жа Вехтеръ—наивная Маша и, наконецъ г. Отоссонъ—приличный Ивковъ. Отмѣчу также г. Прохорова, «чувствительнаго» Чирикова и Минаѣву, жаждущую «барской жизни», ревнивицу Клавдію. Исполнителямъ много апплодировали.

Н. В.—нѣ.

* * *

20-го октября въ Невскомъ О-вѣ устройства народныхъ развлеченій, что за Невскою заставой, состоялся спектакль съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ. Шла комедія А. Н. Островскаго: «Правда—хорошо, а счастье лучше». Г. Варламовъ имѣлъ громадный успѣхъ. Послѣ 2-го акта изъ крайнихъ ложъ на главу почтеннаго артиста посыпались цвѣты.

* * *

Общедоступные симфоническіе концерты (съ благотворительной цѣлью) симфоническаго оркестра и хора гр. А. Д. Шереметева, при участіи солистовъ, будутъ даваемы въ Новомъ театрѣ (залъ Кононова) по воскресеньямъ: 4 и 18 ноября, 2 и 16 декабря 1901 г., 13 и 27 января, 10 и 24 февраля, 10 и 31 марта, 21 апрѣля 1902 г. Начало въ 2 ч. дня.

Контора администраціи (Почтамская, 13) открыта ежедневно отъ 11 до 4 ч. дня.

* * *

Въ заграничной прессѣ много говорятъ о молодомъ французскомъ скрипачѣ Жакѣ Тибо, который за короткое время завоевалъ, выдающееся положеніе между современными скрипачами. По поводу его послѣдняго концерта въ Берлинѣ, критика нѣмецкой «Allgemeine Zeitung» даетъ восторженный отзывъ. Молодой скрипачъ пригласень уже на огромную серію концертовъ (до 300) въ Америку. Какъ мы слышали, Тибо приметъ участіе также въ одномъ изъ петербургскихъ концертовъ.

* * *

Въ 889 № Россіи появилась замѣтка о бѣдственномъ положеніи въ г. Лугѣ престарѣлаго артиста П. П. С. съ семьей.

— Театръ Лит.-Худ. Общества. —

Шахта «Георгій». Г. Михайловъ въ роли Тараса.

(Рис. С. Панова).

По порученію г. Предсѣдателя Р. Т. О. уполномоченнымъ Совѣта Р. Т. О. въ г. Лугѣ были наведены справки о матеріальномъ положеніи П. П. С., изъ коихъ оказалось, что въ газетной замѣткѣ сильно преувеличено бѣдственное положеніе П. П. С.: самъ онъ служитъ въ Новгородѣ, а старшая дочь въ Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе Р. Т. О. было оказано пособіе П. П. С. черезъ уполномоченнаго Совѣта въ г. Лугѣ въ размѣрѣ 25 рублей на переѣздъ семьи въ Петербургъ.

* * *

Въ послѣдней книжкѣ «Вѣстн. Европы» напечатаны изъ бумагъ покойнаго Бурдина «Матеріалы для исторіи русскаго театра». Заимствуемъ отсюда анекдотъ о Руадзе, бывшемъ смотрителѣ Вольскаго театра. Этотъ анекдотъ можно съ успѣхомъ рассказывать со сцены: «у Руадзе былъ очень близкій знакомый генералъ, кавказскій уроженецъ, гигантскаго роста, лѣтъ далеко за семьдесятъ, одинъ изъ тѣхъ генераловъ, которые присутствуютъ на всѣхъ купеческихъ именинахъ, похоронахъ и свадьбахъ; онъ всѣмъ говорилъ «ты» и объяснялся съ сильными восточнымъ акцентомъ. Онъ крестилъ дѣтей у Руадзе и былъ у него постояннымъ гостемъ. Когда, по Высочайшему Повелѣнію, назначили слѣдствие, генералъ поѣхалъ къ графу Орлову хлопотать за Руадзе.

— Пожалуйста, графъ,—сказалъ онъ ему,—не обижай ты Руадзе; я его давно знаю,—онъ хорошій человекъ. Ты хочешь знать, гдѣ онъ ваялъ деньги, изволь, я скажу: онъ былъ смотрителемъ въ Большомъ театрѣ; нужно что покрасить... ну, понимаешь, бралъ; нужно театръ ото-

ТЕАТРЪ ЛИТ.-ХУД. ОБЩ.

пить—ну, бралъ; освѣтить—бралъ; починить... ну, бралъ; нанять рабочихъ—бралъ; жена у него молодая, здоровая.—при этомъ онъ сдѣлалъ выразительный жестъ, — ну, понимаешь... бралъ! Я тебѣ говорю, но тронь его, — хорошій человѣкъ!»

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Астрахань. Сезонъ открытъ 30 сентября. За первый полумѣсяцъ (до 4 октября) даны были: «Родина», «Гроза», «Лѣсъ», «Плоды просвѣщенія», «Слѣдователь», «Степной богатырь», «Аркановы», «Злая яма», «Нюбеля», «Татьяна Рѣпина». Сборъ хороши и въ Астрахани давно небывалые. Взято за полумѣсяцъ (на кругъ 500 р.) валового 4,500 руб. Успѣхомъ пользуются Шеина, Журина, Яблочкина, Попова, Азотова, Никулинъ, Норинъ, Колесовъ, Покровский, Череповъ, Расудовъ, Костюковъ.

Бану. Театръ Тагіева съ 15 по 29 апрѣля снятъ труппой цеттербургскаго «Фарса». Въ составъ труппы войдутъ, между прочими, М. Н. Воронцова-Ленни, Е. М. Грановская и С. О. Сабуровъ.

Варшава. Открытіе новаго зданія филармоніи состоялось 23 октября при переполненномъ залѣ. Исполнялись только польскіе авторы; игралъ Падеревскій; дирижировалъ Млынарскій. Залъ изященъ, содержитъ 2,000 мѣст. Зданіе строилъ Козловскій. Стоимость 850,000 руб.

Кіевъ. На-дняхъ, на Байковомъ кладбищѣ, состоялось освященіе памятниковъ покойнымъ артистамъ труппы Н. Н. Соловцова—Т. А. Чужбинову и Н. П. Рошину-Инсарову. Освященію памятниковъ предшествовала панихида. Оба памятника совершенно одинаковы и представляютъ большіе мраморные кресты на пьедесталахъ изъ темно-сѣраго гранита. У подножія крестовъ въ гранитъ вдѣланы портреты покойныхъ артистовъ. На мраморѣ золотыми буквами вырѣзаны слѣдующія надписи: на одномъ памятникѣ—«Актёръ Николай Петровичъ Рошинъ-Инсаровъ (Пашенный). 8-го января 1899 г.»; на другомъ—«Актёръ Тимофей Александровичъ Чужбиновъ. 8-го августа 1897 г.» Памятники эти сооружены на средства артистовъ—товарищей покойныхъ и Н. Н. Соловцова. На торжествѣ присутствовали вдова и сынъ покойнаго артиста Чужбинова, представители мѣстнаго артистическаго и литературнаго міра, а также нѣсколько человѣкъ изъ учащейся молодежи.

Кіевъ. Антреприза городского театра въ Кіевѣ печатаетъ на всѣхъ своихъ афишахъ: «въ видахъ сохраненія цѣльности художественнаго впечатлѣнія, отдѣльные номера оперы повторяться не будутъ».

— Въ районѣ Бульварнаго участка открывается новый общедоступный театръ.

Одесса. 17 октября въ Городскомъ театрѣ состоялось чествованіе А. А. Потѣхина. Былъ разыгранъ «Отрѣзанный ломоть» при пустомъ залѣ.

Одесса. Н. Н. Соловцовъ въ своемъ предложеніи о сдачѣ ему городского театра на будущее время съ своей стороны вноситъ въ договоръ нѣкоторыя измѣненія. Онъ предлагаетъ на будущее время формировать оперныя труппы на пять мѣсяцевъ, вмѣсто трехъ, при чемъ первые два мѣсяца итальянская опера будетъ подвизаться въ его кіевскомъ театрѣ. Въ теченіе этого-же времени въ городскомъ театрѣ будетъ русская драма. По окончаніи драматическихъ спектаклей итальянская опера будетъ передвинута въ Одессу. Предложеніе Н. Н. Соловцова встрѣчается сочувствіе комиссіи.

— Н. Н. Соловцовъ получилъ предложеніе отъ М. Г. Савиной о сдачѣ ей городского театра на весь Великій постъ. Есть еще много другихъ предложеній отъ разныхъ лицъ, которыя просятъ сдать имъ театръ лишь на 2 недѣли поста.

Орель. Въ «Орл. Вѣстн.» напечатанъ рядъ протестовъ противъ постановки въ городскомъ театрѣ «Малки Шварценкопфъ», въ которой утрировки и лжи относительно евреевъ столько-же, сколько и въ «Контрабандистахъ».

Рига. Городской театръ, какъ видно изъ опубликованнаго отчета, даль въ прошломъ сезонѣ дефицитъ въ 12,531 р. 91 к.

Въ мѣстномъ обществѣ выражена мысль гарантировать русскій театръ. Имѣется полная возможность расчитать вать на гарантію на первые три года весьма значительной общей суммы. Отвѣтчивость и готовность участвовать въ об-

щемъ предпріятіи отродно свидѣтельствуютъ о чуткомъ отношеніи къ дѣлу и живомъ сознаніи важнаго значенія его.

Тифлисъ. 9-го ноября исполнится пятидесятилѣтіе со дня постановки въ Тифлисѣ перваго опернаго спектакля. Дирекція казеннаго театра рѣшила отпраздновать этотъ день устройствомъ «юбилейнаго» спектакля: исполнена будетъ написанная специально къ этому дню кантата, принадлежащая перу одного изъ мѣстныхъ дирижеровъ.

Тамбовъ. У насъ сообщалось, что зданіе зимняго театра признано неудовлетворительнымъ и представленія въ немъ запрещены. Слухи эти не подтвердились. Въ зимнемъ театрѣ, по указанію строительной комиссіи, произведены лишь нѣкоторыя передѣлки. Театръ снятъ Р. А. Крамесомъ. Составъ труппы: г-жи Савостьянова, Годунова, Крамесъ, Галли, Яновская, Дараганъ, Брянская, Чижегова, Бѣлинская, Попова-Грозная; гг. Шумилинъ, онъ же и главный режиссеръ, Самаринъ, Добожинскій, Марджановъ, Барскій, Крамесъ, Долиновъ, Молчановъ и Костинъ.

Таганрогъ. «Приаз. Кр.» выудилъ изъ «Таг. В.» слѣдующій рецензентскій перлъ: «Знаменитая ла донна е мобила, облеченная въ глубокой трауръ, безъ жизни, холоднымъ трупомъ будетъ въ мертвыхъ звукахъ пронесена черезъ сцену въ сопровожденіи герцога».

— Театральная комиссія упразднена. Театръ перешелъ въ вѣдѣніе управы. Изъ огня да въ полымя.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ! Надѣясь на вашу любезность, прошу помѣстить опроверженіе на письмо г. Кошкина о спектаклѣ, данномъ на Большой Охтѣ.

Я, С. А. Науховичъ, стоя во главѣ этого дѣла, задался цѣлью дать мѣстной публикѣ разумное и полезное развлеченіе. Я пригласилъ режиссеромъ артиста М. Н. Бронскаго. Въ афишѣ я его вовсе не рекламировалъ, и въ качествѣ администратора и хозяина этого дѣла, я съ своей стороны слѣдилъ за всѣмъ. Двери и декорации у меня не могли валиться, потому что постановку декораций и сцену я поручилъ человѣку безусловно знающему. Освѣщеніе было даже больше, чѣмъ нужно (!).

Артистки Хламиной и артистовъ Ронскаго-Моронскаго и просто Ронскаго у меня не было. Авторъ письма, очевидно, хотѣлъ съострить.

Я получилъ благодарность публики, которая проситъ меня ставить спектакли даже и въ будни.

Г. Кошкинъ назвалъ какіе-то невѣдомые инструменты въ оркестрѣ. У меня играли музыканты изъ оркестра Новочеркасскаго полка и роля.

Составъ труппы слѣдующій: г-жи Нѣмчакъ, Красовская, Павлова, Морская, Никифорова, Соколова; гг. М. Н. Бронскій, Льдовъ, Динаровъ-Вронскій, Ютила, Новиковъ, Гриневскій, Петровъ, Ивановскій, Матвѣевъ, Соколовъ и др.

С. А. Науховичъ.

Московскія письма.

Совсѣмъ не интересная недѣля... Въ Маломъ театрѣ возобновили «Свѣтитъ, да не грѣетъ» (бенефисъ Н. Н. Музиля), у г. Корша «Генеральшу Матрену» (бенефисъ г-жи Кошевой), въ Новомъ театрѣ «Горькую судьбину». Театръ г-жи Пуарэ поставилъ «Подростковъ» и пьесу Делявинъ «Донъ-Жуанъ Австрійскій», заполняя всѣ другіе вечера «Контрабандистами». Въ Художественномъ театрѣ К. С. Станиславскій сыгралъ Вершинина («Три сестры») въ первый разъ въ этомъ сезонѣ.

По поводу постановки «Свѣтитъ, да не грѣетъ» опять заговорили объ устарѣлости техническихъ приемовъ и типическихъ образовъ въ пьесахъ Островскаго. Въ послѣднее время объ этомъ часто говорятъ, но всегда очень робко и неуверенно. Только однажды мнѣ случилось прочитать, что Островскій пережилъ себя на русской сценѣ и пора сдать его въ архивъ. Обыкновенно, говорятъ о длиннотахъ Островскаго, объ искусственномъ чередованіи драматическихъ и комическихъ сценъ, о томъ, что Островскій не знаетъ души интеллигентной женщины и не умѣлъ ее писать. Выводъ весьма осторожно предоставляется читателю.

Такое неопредѣленное отношеніе къ наслѣдству Островскаго можно только объяснить недостаткомъ искренности. Великій драматургъ самъ считалъ себя плохимъ мастеромъ сцены и въ отношеніи «сценичности», усвоенной по французскимъ образцамъ, его быстро превзошли драматическіе сочинители пореформенной эпохи. На русской сценѣ появились презрѣнные крѣпостники, благородные земскіе врачи, акушерки и мировые посредники. Все это либеральное сочинительство не имѣло ничего общаго съ искусствомъ, но оно

Шахта «Георгій». Шахтеръ.

(Рис. А. Любимова).

было очень сценично и, отвѣчая духу времени, отгѣснило Островскаго. Въ эпоху семидесятыхъ годовъ, во время быстрого разочарованія въ эпохѣ реформъ, въ мучительномъ предвидѣннй надвигающейся «расплатѣ»—русское общество жило жизнью мота, спускающаго послѣдніе гроши. Ослабѣвшимъ нервамъ требовалось нѣчто острое, раздражающее, и

Александринскій театръ.

Юбилейный спектакль въ честь А. А. Потѣхина, «Мишура», — финалъ послѣдняго акта.

на русской сценѣ водворилась и расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ оперетка. Все это видѣлъ и пережилъ Островскій. Не дожилъ онъ только до «чуда», которое совершилось уже на нашихъ глазахъ. Устарѣлый драматургъ съ устарѣлыми приемами, съ типами, большею частью вымершими въ русской жизни—получилъ вторичное и полное признаніе. Промомотрите современный репертуаръ русскихъ театровъ и вы увидите, что среди русскихъ авторовъ Островскому въ немъ принадлежитъ почетное мѣсто.

Переживаемое нами время характеризуется большою вольностью въ обращеніи съ искусствомъ—это правда. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что такъ называемое «чистое искусство», красота ради красоты, какъ дѣли и оправданія жизни—все болѣе и болѣе находитъ доступъ въ наши сердца. Старѣющій Островскій сталъ намъ близокъ потому, что онъ—первоклассный художникъ. «Красота спасаетъ міръ», говорилъ Достоевскій, а въ другомъ мѣстѣ утверждалъ: «безъ красоты гвоздя не выдумаете!» Я очень часто цитирую Достоевскаго потому, что нахожу его глубоко современнымъ писателемъ—больше, чѣмъ многіе дѣйствительно современные, будь то даже представители «декаданса». Не далеко то время, когда Достоевскій будетъ жадно перечитываться, заучиваться наизусть русскимъ обществомъ. Это будетъ тогда, когда среди все сгущающихся сумерокъ блеснетъ выходъ на дорогу.

Нигдѣ такъ упорно, какъ въ Россіи, не предъявляли къ искусству несвойственныхъ ему требованій. Такъ и должно было быть среди народа, который въ уродливѣйшую эпоху своей жизни могъ дойти—хотя бы и въ теоріи—до полного отрицанія искусства. А между тѣмъ, минуя всѣ эстетическія теоріи, по непосредственному чувству—въ искусствѣ нѣтъ иного рѣшающаго признака, кромѣ красоты. Что такое «чистое искусство», не такъ давно презираемое и что такое «искусство нечистое», тогда же восхваляемое? Во всѣ времена, даже во

время полного отрицанія искусства, были талантливые художники и все то, что въ ихъ произведеніяхъ было чистымъ искусствомъ, т. е. красотой, пережило ихъ самихъ. А все наносное, временное, тенденціозное, «нечистое» искусство омертвѣло и забылось. Кто помнитъ имена гражданскихъ драматурговъ нашей сцены шестидесятыхъ годовъ, можетъ быть, кромѣ Пальма—даровитѣйшаго изъ нихъ, котораго недавно вытаскилъ Горевъ, начавъ всюду играть «Старога барина»? А имя Островскаго навсегда сохранится въ русскомъ театрѣ. Въ ветшающихъ формахъ, среди омертвѣвшаго «нечистаго» искусства, котораго достаточно у Островскаго, чистое искусство—красота будетъ вѣчно жить въ его произведеніяхъ.

Въ красотѣ заключено все содержаніе у искусства. Вотъ почему, разрѣшая проблему искусства, гр. Л. Н. Толстой посвятилъ ей самыя блестящія страницы своей книги. Добро и истина не совпадаютъ съ красотой, говоритъ онъ, отводя искусству могущественную роль средства для общенія людей между собою. Онъ широко раздвигаетъ рамки для искусства, но во имя идеи добра, гдѣто внѣ насъ существующей, онъ считаетъ красоту «пристрастїемъ», несогласнымъ, чаще всего противоположнымъ добру—и отнимаетъ у искусства все его содержаніе. Умертвивъ искусство, онъ предлагаетъ ему дѣятельное участіе въ жизни. Самъ гениальный художникъ—на перекоръ всему, во всемъ; и въ своей философіи и въ своемъ отрицаніи искусства—Толстой не могъ не чувствовать, что повторяетъ старыя зады и не рѣшился—правда, только въ терминологіи—отвергнуть то искусство, которое не хотѣлъ признавать. Онъ назвалъ его «языческимъ искусствомъ» и отнесъ къ нему всѣ свои лучшія произведенія.

Въ концѣ концовъ, «чистое искусство» (искусство для искусства) нашихъ «гражданъ» бо-хъ годовъ и «языческое искусство» графа Толстого—одно и тоже. Разница въ томъ, что въ одномъ случаѣ искусство умерщвляется ради религиозно-мистической идеи «добра», а въ другомъ ради «кухонныхъ подробностей будущаго социальнаго строя».

Искусство могучій, быть можетъ, самый могущественный двигатель въ жизни, быть можетъ, все содержаніе жизни. Ибо жизнь, какъ вѣчное движеніе преобразующихся формъ, имѣетъ свою цѣль и эта цѣль—само совершенствованіе, производство индивидуумовъ все болѣе и болѣе совершенныхъ. Эта цѣль позналась живущимъ и обратилась въ религію, т. е. въ стремленіе къ совершенствованію путемъ добра, въ свѣтѣ идеала высшаго добра—Бога. Утверждаютъ, что красота потому не соответствуетъ добру, что есть красота и красота...

Эпизодъ юбилейнаго чествованія.

«На груди г. Варламова».

Но разноцѣнность «добра» удостовѣрена фарисеями. Что мѣшаетъ вѣрить въ религію красоты, приближающую къ Богу? Тогда искусство заолнитъ собою всю жизнь и станетъ ея содержаніемъ. Красота спасетъ міръ...
П. Ярцевъ.

ВОПЛЬ ТРАГИКА.

(МОНОЛОГЪ).

Сцена, сцена, сколько чувства
И лучших силъ и чистыхъ слезъ
Я на алтарь тебѣ принесъ!..
Какъ я любилъ тебя, искусство!..
Я трепеталъ передъ тобой.
Какъ славный воинъ передъ битвой,
Я подходилъ къ тебѣ съ молитвой,
Я дорожилъ твоей судьбой!..

Какъ я игралъ!.. Нутро кипѣло,
Громовый голосъ мой гудѣлъ,
Сопѣлъ отъ ревности въ Отелло,
Въ Кориоланѣ львомъ ревѣлъ,
Въ экстазной сценѣ Карла Мора,
Когда „о люди“ говорилъ,
Шакаломъ разъяреннымъ вылъ
И къ чорту посылалъ суфлера.
А съ Чацкимъ что я совершалъ,
А что творилъ я въ Ляпуновѣ,
Какъ умиралъ я въ Годуновѣ,
И какъ я въ Лирѣ проклиналъ!..
На сценѣ нынѣшней, повѣрьте,
Такихъ проклятій, слезъ и смерти,
Такой игры,—вамъ не видать.
Я въ Чацкомъ послѣ слова „глядя“
Рыдалъ навзрыдъ... Я въ Ляпуновѣ
Рычалъ, какъ звѣрь, на каждомъ
словѣ...

Парикъ въ клочки я въ Лирѣ рвалъ...
Глаза блестя, какъ у рыси...
А въ смертный часъ въ царѣ Борисѣ
Бѣлками публику пугалъ.
Въ Ростовѣ, помню, у камина
Въ извѣстной сценѣ, въ роли Кина,
Зѣвалъ я... Только я зѣвалъ!..
Биткомъ была набита зала —
И вся, буквально вся, дрожала
Аплодисментами похвалъ.
А разъ,—то было ужъ въ Казани,—
Я вышелъ въ Кларѣ Добервилъ...
Театръ—биткомъ, жара, какъ въ
банѣ—

И я играю... Водевилъ
Конечно къ чорту послѣ драмы,
И всѣ—мужчины, дѣти, дамы,
Съ мѣстъ, какъ шальные сорвались—
И на рукахъ меня со сцены!..
Дрожало все: кулисы, стѣны,
Въ восторгѣ общемъ всѣ слились!..
Вотъ какъ игралъ я, какъ цѣнили
Мой драматическій талантъ;
И черствый скептикъ, и педантъ
Дань умиленью приносили.

Кѣмъ созданъ былъ Любимъ
Торцовъ,
Когда прославился Островскій?
Въ Москвѣ игралъ его Садовскій,
А въ Нижнемъ я... И отъ купцовъ
Восторги, слезы, чувствъ признанье...
А въ предстоящій бенефисъ
Не лавръ несутъ мнѣ, не сервизъ,
А домъ построить обѣщанье
Отъ сердца чистаго даютъ.
Въ трактиръ поить меня зовутъ,
На пироги съ вязигой просятъ,
Везутъ въ дома на рысакахъ
И, какъ святыню на рукахъ,
Изъ экипажей въ залы вносятъ.

Да что! Трагически-великъ
Я даже въ „Шубѣ былъ овечьей“,
Когда съ душою человѣчьей
Впервые выставленъ мужикъ,
Когда тулупъ на русской сценѣ
Овчиной свѣжею запахомъ...
Но появился Оффенбахъ
И всѣ Орфею и Еленѣ
Съ безумнымъ смѣхомъ отдались,
Куплеты, рифмы понеслись
Подъ звуки легкой оперетки,
Тогдашней моды чуждыхъ странъ,
И заплясали наши дѣтки
Всѣ разухабистый канканъ.
Парижъ традиціи Рашели
Смѣнилъ пикантностью Жюдикъ
И на инстинкта пошлый крикъ
Къ намъ звѣзды модныя летѣли.
Актеръ былъ сразу упраздненъ,
Каскада дочъ успѣхъ имѣла
И не въ талантъ, а въ бабье тѣло
Весь миръ крещеный былъ влюбленъ.

Я съ горя запилъ. Какъ я пилъ!..
Дошелъ до мерзости паденья,
Въ опоркахъ подъ заборомъ жилъ,
Отъ грубой черни выносилъ
Насмѣшки, хохотъ, брань, глумлень...
Но стать кабацкою затычкой
Не могъ трагическій актеръ
И разумъ верхъ взялъ надъ
привычкой:
Съ души стряхнулъ я свой позоръ,
Кабакъ къ чертямъ и вновь на
сцену—

Отдаться грезѣ любимыхъ плѣну.
Я ампула перемѣнилъ.
Но не рубашечныхъ героевъ
И не дѣльцовъ изъ разныхъ слоевъ
Въ своей игрѣ я воплотилъ;
Нѣтъ, королевская порфира
Не для новѣйшаго кумира
Сюртучной парой смѣнена:
Отцовъ салонныхъ, баръ старинныхъ
Давалъ я въ образахъ картинныхъ
Въ тѣ роковыя времена.
Моимъ изысканнымъ манерамъ
Учиться высшимъ даже сферамъ
Газетный критикъ предлагалъ.
О, какъ меня хвалили въ прессѣ,
Когда Опольева въ Одессѣ
Я въ „Старомъ баринѣ“ игралъ!..
Подъемъ игры былъ чрезвычайный,
Со свойственною мнѣ лишь тайной
Чутья высокой красоты.
Самойловъ, тамъ меня увидя,
Сказалъ, со мной въ уборной сидя:
„Насъ только двое: я,—да ты...“
Умремъ!..“

И жребій совершился:
Сперва театръ его лишился,
Потомъ со сценой кончилъ я,
И въ богадѣльнѣ приютился
Для безпечальнаго житья.

Сѣдой, разбитый, одинокій,
Какъ жалкій призракъ, я живу;
Минувшей славы лучъ далекий

И тѣни прошлого зову...
Святыя, памятные тѣни!..
Рядъ свѣтлыхъ сновъ, рядъ тѣхъ
видѣній,
Какихъ вамъ нынче не знать!

А нынче стали что давать,
Во что театръ нашъ превратился?
Актеры, авторы—не тѣ.
На сценѣ—сѣрость жизни скучной,
Тоскливой, мрачной, однозвучной...
Игра—въ реальной простотѣ;
Въ углахъ и щеляхъ за кулисой
Сверчковъ показываютъ съ крысой,
Въ окно—туманъ и мокрота...
Въ антрактахъ скука безъ оркестра
(Таланту можно-ль безъ маэстро?)
И даже публика не та.
Ей дай „Орлять“, да „Хризантемы“,
Побольше фарсовъ, пустяковъ,
Да пьесъ на избранныя темы
Изъ жизни юныхъ „мотыльковъ“,
Открой для жаждущаго взора
Ей „Старый домъ“, гдѣ много сора.
Одеждъ и лицъ подай ей смѣсъ;
На крюкъ кого-нибудь повѣсь;
Испачкай лица персонажей
Въ подземной шахтѣ черной сажей,
Погромче пьесу назови,
И всѣхъ актеровъ съ дымомъ, съ
трескомъ,
Съ обваломъ стѣнъ и синимъ
блескомъ
На воздухъ въ пламени взорви...
И клики „браво“, громъ овацій,
Восторгъ толпы отъ декораций
Сольются разомъ въ дружный хоръ...
А ты, трагическій актеръ,
Великой школы другъ старинный,
Покончилъ славы путь недлинный,
Тебя забылъ мишурный свѣтъ,
Тебѣ на сценѣ—мѣста нѣтъ.

М. Любимовъ.

К. Сень-Сансъ.

(См. за границей).

„Его дочери“.

Мнѣ посчастливилось послѣдовательно познакомиться со всѣми дочерьми Платона Николаевича...

Это совсѣмъ не такъ просто, какъ можетъ показаться, и не такъ легко.

Случилось, что когда Платонъ Николаевичъ прѣхалъ на гастроли въ Павловскъ, то и его встрѣтилъ на музыкѣ, подъ руку съ одной очень хорошенькой брюнеткой. Онъ былъ въ крылаткѣ парижскаго покроя, съ узкими плечиками, бодрый, чисто выбритый, со сверкающими зубами. Онъ сдѣлалъ ручкой, остановился и рѣшительно направился ко мнѣ.

— А, cher, воскликнулъ онъ,—я такъ радъ, такъ радъ... Старѣемъ и живемъ... Хотя у меня, вы знаете, японская грѣлка. Я кладу ее на животъ послѣ обѣда, и—вотъ...

Онъ повернулся на каблучкахъ, снова засверкалъ зубами, и интимно толкнулъ въ бокъ брюнетку. Я, не безъ смущенія, опустилъ глаза.

— Ахъ, да, вы незнакомы, воскликнулъ онъ,—это моя дочь, Людмила Ивановна.

— Платоновна, подсказалъ я машинально.

— Ну, да, улыбнулся онъ хитро и многозначительно,—фактически. Но теоретически она Ивановна, и фамилія ея Передрягина.

И сдѣлавъ полъ-оборота ко мнѣ, онъ проговорилъ тише:

— Это—отъ Нениловой, ну, вы помните, la femme Ненилова, въ которую былъ влюбленъ Монаховъ? Я ее отбилъ, и вотъ... Ахъ, cher, это была женщина! Plus de femmes comme ça...

И вынувъ батистовый платокъ, онъ не то махнулъ имъ передъ носомъ, не то приложилъ къ глазамъ.

— Да, Людмила, ты должна хранить память объ этой женщинѣ... Твоя мать, да... Я говорю, твоя мать... (Онъ въ это время стрѣльнулъ глазами куда-то направо и приподнялъ шляпу)... твоя мать

была святая женщина... Это была... Ну, и публика здѣсь... Я не узнаю, cher, прежняго Павловска.

— Папа, проговорила Людмила Ивановна...

— Ахъ, да! встрепенулся Платонъ Николаевичъ,—сейчасъ, сейчасъ! Не безпокойся, дитя мое, у тебя остался отецъ!..

Людмила смотрѣла на отца восторженными глазами.

Черезъ нѣсколько дней я попалъ въ Беклешовъ садъ, въ Лѣсномъ, и встрѣтилъ снова Платона Николаевича, уже подъ руку съ блондинкою. Прелестные золотистые волосы обрамляли ея продолговатое личико, съ добрыми губами и ясными, глубокими глазами. Платонъ Николаевичъ гастролировалъ въ Лѣсномъ. Мы опять поздоровались, и едва поздоровавшись, я уже былъ представленъ блондинкѣ.

— Моя дочь, Софья Петровна...

Я уже не поправлялъ отчества.

— Cette chère enfant, говорилъ Платонъ Николаевичъ,—она живетъ въ Лѣсномъ на дачѣ. И вы можете представить ея положеніе, мать не захотѣла со мной встрѣчаться, а она пришла... Ахъ, умница!.. Но скажи, какъ ты узнала, что я сегодня здѣсь буду?..

Софья Петровна на минуту замялась.

— О, не стѣсняйся, не стѣсняйся! Это—свой человекъ. Это—мой другъ.

Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку. Она вскинула робко глаза и заговорила сначала тихо и медленно, а потомъ громко и скоро.

— Я прочитала афишу... И вотъ читаю,—ты... И я сказала мамѣ... Но потомъ я рѣшилась... Я была такъ горда, такъ горда... Въ рецензіяхъ такъ хорошо пишутъ, что ты создаешь типъ... И я сказала: непременно пойду и посмотрю на нашего высокочелантливаго гастролера...

Платонъ Николаевичъ смотрѣлъ на нее съ умиленіемъ.

— И ты не ошиблась, клянусь небомъ! Я буду играть, какъ никогда... Вы думаете, старый фарсеръ... Нѣтъ, я Риголетто, и ты моя Джильда!..

Потомъ уже въ уборной онъ мнѣ сказалъ:

— Это отъ Трофимовской... Ну, да теперь ея фамилія другая. Она вышла замужъ. Мы никогда не понимали другъ друга. Знаете, что-то экзальтационное. Она желала перерожденія... Мерзавецъ,—ткнулъ онъ сапогомъ въ носъ портного, который ему натягивалъ рейтузы,—ты опять не пришелъ пуговицъ! М-да... Да, она желала перерожденія и требовала, чтобы я бросилъ сцену. И, вообще, вся эта исторія... Но вы ее должны были прочитать, cher, въ романѣ

Педагоги („Флакманъ“), въ театрѣ Корша.

Фогельзангъ.
(г. Булатовъ).Безенталь.
(г-жа Блюменталь-Тамарина).

(Рис. В. Сашина).

Папкова „Золотое руно“... Non, vraiment? Это претересный романъ... Была ночь, тройка, она ушла отъ родителей прямо ко мнѣ, и лицо такое строгое, со сжатыми губами... Характеръ! Но я не могъ долго это выносить, cher. Она черзчуръ мнѣ imponировала! Вотъ такъ, хорошо! Отпусти немного сзади поясъ...

Онъ вертѣлся передъ зеркаломъ и поправлялъ карандашомъ гримъ.

Я сталъ прощаться.

— A rivederci!.. Надѣюсь, вы меня смотрите въ „Озеркахъ“?

Я отвѣтилъ, что не знаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, непременно! Я васъ познакомлю...

— Съ дочерью?

— Ну, да, откуда вы знаете? Ахъ, впрочемъ, вы знаете мать... Воловодина... Признаюсь, я нигдѣ не чувствую себя такъ прекрасно, какъ въ „Озеркахъ“. Тамъ у меня, дѣйствительно, настоящая семья. До сихъ поръ у насъ самыя дружескія отношенія. Я играю, потомъ отправляюсь на дачу, ѣмъ простоквашу и сплю, какъ зарѣзанный... Нѣтъ, нѣтъ, вы непременно должны пріѣхать въ „Озерки“.

И не знаю ужъ, какъ это произошло, но я попалъ въ „Озерки“ и познакомился съ третьею дочерью Платона Николаевича. Это былъ подростокъ лѣтъ 13, съ нескладной, какъ обыкновенно бываетъ у подростковъ, фигурою, съ остановившимися черными глазами и неувѣренными движеніями. Платонъ Николаевичъ сидѣлъ на верандѣ, держа на колѣняхъ дѣвочку, рядомъ за столомъ была Воловодина, женщина лѣтъ 35, и молодой человекъ, въ форменной фуражкѣ. Всѣ обѣдали. Платонъ Николаевичъ былъ недоволенъ спаржей и дѣлалъ рѣзкій выговоръ слугѣ.

— Это они называютъ спаржей! Кушай, дѣвочка! Ну, дай, я тебѣ положу въ ротикъ... Мари, у нея ужасно нездоровый видъ.

— Что дѣлать—экзамены!—вздыхнула Воловодина.

— Переутомленіе учащихся, — вставилъ молодой человекъ. Мари, прибавилъ онъ, — ты себѣ выпачкаешь платье...

— Экзамены! Экзамены! — ворчалъ Платонъ Николаевичъ. Въ мое время не было никакихъ экзаменовъ, и мы были счастливы, мы наслаждались... Ты кашляешь, дѣточка? Это Богъ знаетъ что!.. Я тебѣ завтра привезу карамелекъ отъ кашля...

Дѣвочка болтала ногами.

— Я не хочу карамелекъ, папа! Да ты все равно не привезешь... Ты въ прошломъ году обѣщалъ привезти мнѣ ящикъ для рукодѣлій, и надулъ...

— Но я былъ вызванъ телеграммой къ Бородаю...

— Бо-ро-да-ю!.. задумчиво отозвалась дѣвочка...

Прошло нѣсколько лѣтъ, и я познакомился еще съ одною дочерью Платона Николаевича. Это было не въ Петербургѣ, а далеко на югѣ. Платонъ Николаевичъ застрѣлъ здѣсь на дорогѣ въ Москву. Антрепренеръ ему не заплатилъ жалованья, и вообще, дѣла его очень пошатнулись. Онъ обрюзгъ и растолстѣлъ, несмотря на грѣлку, и волосы на головѣ у него были подкрашены.

— Ахъ, cher, говорилъ онъ мнѣ, — чего не сдѣлаешь для женщины? Зачѣмъ я сижу здѣсь, я? Но я сижу... Она не можетъ ѣхать въ первомъ классѣ, я не могу ѣхать въ третьемъ... И я жду... Выпьемъ!

Онъ выпилъ и прибавилъ:

— И кромѣ того у меня есть дочь. Она служитъ въ опереткѣ. Я руковожу ея первыми шагами. Вы слышали эту фамилію, конечно, — Делакомбъ? Это — она! Хорошенькая! Цыганочка!

Въ это время въ общую залу гостиницы, гдѣ мы сидѣли, вошла очень граціозная, тоненькая, стройная дѣвушка.

В. Беллини.

(Къ 100-лѣтію рожденія).

— А, это ты, папка! сказала она. Ты не видалъ, купецъ Лакудровъ прошелъ въ кабинетъ?

— Позволь тебя познакомить, началъ Платонъ Николаевичъ, — Юша, это мой старый другъ.

Юша кивнула мнѣ слегка головой и промолвила:

— Очень пріятно... Но странно, что Лакудровъ еще не прошелъ... Ты меня не держи, папка, мнѣ некогда... Я потомъ... Лакудровъ сегодня именинникъ... И исчезла.

Платонъ Николаевичъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ и мечтательно говорилъ:

— Да, когда видишь такую прелесть, и это твоя дочь, — ахъ, cher, какъ это освѣжаетъ! И въ псалмахъ Давида, cher, тоже про дѣтей говорится... И не имѣй стрѣлъ въ колчанѣ, но дѣтей побольше... Въ этомъ родѣ... Да, это освѣжаетъ...

Онъ выпилъ большой стаканчикъ мадеры.

— А мать ея! Что за чудная женщина! И какъ сохранилась! Я ее видѣлъ въ Москвѣ... Она танцевала! Какой баллонъ! Какая элевация! Какія формы! Ахъ, cher, какая независимость, какая концепція у этой женщины! Концепція... Да... это освѣжаетъ...

Въ кабинетѣ, очевидно, появился Лакудровъ съ гостями, потому что послышался шумъ возбужденныхъ голосовъ... Потомъ заплѣли. Кто-то взялъ гитару, кто-то затянулъ, далѣе послышался голосъ Делакомбъ, пѣвпей цыганскій романсъ. Она пѣла, дѣйствительно, хорошо, т. е. съ тою „сердцещипательною“ гнусавостью, которая составляетъ главную прелесть цыганскаго романса. Платонъ Николаевичъ совершенно размякъ.

— Да, это темпераментъ. Вы слышите, cher. Я ее училъ... И потомъ наслѣдственность. Ея мать—она заставляла меня плакать въ „Брамъ“. Послѣ Цукки, это вторая... И вотъ...

Онъ выпилъ еще одинъ стаканчикъ мадеры.

— Нѣтъ, я рѣшительно счастливъ, cher... Дѣти, дѣти—это все... Слѣдишь за ихъ успѣхами, растишь, руководишь и радуешься...

— Урра, кричали въ кабинетѣ... Брависсимо!..

Онъ подошелъ къ двери, посмотрѣлъ въ замочную скважину и воскликнулъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь:

— Какое счастье имѣть дѣтей, cher. Я безмѣрно счастливъ!

Homo novus.

Письма изъ Кіева:

IX.

По разнымъ, независящимъ отъ меня, обстоятельствамъ, я пропустилъ начало театральнаго сезона. Это не помѣшало мнѣ съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія прочесть въ кіевскихъ газетахъ объявленіе о «Х-ти лѣтнемъ юбилеѣ кіевской драмы». Я всегда съ удовольствіемъ читаю объявленія, редактированныя Н. Н. Соловцовымъ. Очень они у него выходятъ сочно. Правда, онъ иногда неосторожно обращается съ прилагательными, опредѣляющими качество, но не всякое же лыко пододбаеъ ставить въ строку... Въ данномъ случаѣ, прилагательное «кіевская», несмотря на явную несообразность географическаго приурочиванія общечеловѣческаго достоянія, было приставлено къ драмѣ не безъ нѣкотораго, весьма тонкаго, разсчета. «До того, молъ, было мѣсто пусто...» Иллюзія эта была нѣсколько нарушена указаніемъ «Кіевлянина» на то, что Кіевъ не только «матеръ городовъ русскихъ», но и отецъ русской драмы, а потому-де прегензія г. Соловцова неосновательна... Но и не забираясь въ глубь вѣковъ, можно съ полной увѣренностью сказать, что драматическій театръ, празднующій черезъ два года столѣтній юбилей своего исторически-достовернаго существованія, *) процвѣталъ не одно только послѣднее десятилѣтіе... Тѣмъ не менѣе періодически засыхавшая смоковница русской драмы въ Кіевѣ, только подъ эгидой Н. Н. Соловцова получила достаточно прочное и устойчивое цвѣтеніе. Я всегда очень цѣнилъ и уважалъ въ почтенномъ Н. Н. то рѣдкое у русскихъ театралныхъ дѣльцовъ качество, которое можно охарактеризовать «выдержкой». Ровно и стойко, шагъ за шагомъ, онъ развивалъ свое дѣло, и результаты десятилѣтней работы на лицо: кіевская антреприза Н. Н. Соловцова пользуется всероссійской и самой лестной извѣстностью. Это—не только денежно-вѣрное дѣло, это—хорошая школа правительнаго театральнаго хозяйства. Труппа, въ которой талантливый, даже просто мало-мальскіе работоспособный актеръ, могъ служить годами, не боясь, что его выгонять въ угоду капризнымъ требованіямъ, жаждущей новизны, толпѣ театралныхъ прихвостней, естественно, могла располагать хорошимъ ансамблемъ. Если-же прибавить что абсолютно-монархическое управление этого учрежденія въ области административно-хозяйственной, въ сферѣ чистаго художества склонно было къ самоограниченію, то нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторыя пьесы на кіевской сценѣ шли въ полномъ смыслѣ слова образцово. Возьмемъ «Плоды просвѣщенія». Когда я послѣ Кіева увидѣлъ эту пьесу на сценѣ Петербургскаго Александринскаго театра, мнѣ стало очень грустно за образцовую сцену. До того неряшливо, примитивно-грубо была здѣсь воспроизведена толстовская комедія.

Въ качествѣ режиссера труппы Н. Н. Соловцовъ имѣлъ, кромѣ несомнѣнной опытности, еще и то преимущество, что самъ являлся талантливымъ актеромъ-исполнителемъ. Его авторитетъ, въ качествѣ руководителя, создавалъ не только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ фактическимъ хозяиномъ дѣла, но и что гораздо важнѣе, внутреннимъ сознаніемъ актеровъ. Но, отдавая дань полной справедливости режиссерскимъ и исполнительскимъ талантамъ Н. Н. Соловцова, я не могу не сознаться, что въ качествѣ «начальника репертуарной части» онъ всегда заставлялъ желать многоаго. Пестрота и бессистемность репертуара кіевскаго театра обнаруживали какъ нельзя явственнѣе полное отсутствіе у его владѣльцы какихъ-бы-то ни было руководящихъ художественныхъ идеаловъ.

Постановку пьесы на кіевской сценѣ обуславливало не ея художественное достоинство, даже ошибочно понимаемое, а просто успѣхъ, или даже самый фактъ ея постановки на сценахъ столичныхъ театровъ, безъ всякаго отношенія къ ея содержанию. Кіевскій театръ былъ какъ-бы эхомъ, безучастно отражавшимъ всѣ явленія столичной театральной жизни. Единственное исключеніе, которое я могу вспомнить, это—постановка «Царя Бориса».

Возвращаясь къ положительнымъ сторонамъ дѣятельности Н. Н. Соловцова, я не могу обойти молчаніемъ рѣдкую correctness, прославившее соловцовское «джентльменство» въ отношеніяхъ къ своимъ сотрудникамъ.

Принимая во вниманіе все сказанное мною выше, легко будетъ понять какъ прочную устойчивость организованнаго имъ предпріятія, такъ и завидную популярность его самого. Мнѣ особенно пріятно отмѣтить теперь всѣ эти положительныя стороны дѣятельности, уже потому, что, расходясь съ нимъ довольно часто въ пониманіи извѣстныхъ сторонъ и вопросовъ искусства, я, быть можетъ, не всегда облакалъ свои мнѣнія въ достаточно объективную форму. Каюся, но за будущее не отвѣчаю; могу лишь увѣрить, что каковы-бы ни были мои сужденія, они никогда не диктовались личнымъ раздраженіемъ или неприязнью противъ человѣка, къ которому, на-

противъ, я всегда питалъ и питаю чувство самаго искренняго уваженія. Въ наше рыхлое и обезличенное время, взгляды съ удовольствіемъ останавливаются на крупной, эпической цѣльной, самодовлѣющей въ сознаніи собственной силы, фигурѣ нашего театральнаго директора. Что-то стихійно-грубое, «фламандское», въ стилѣ Франца Гальса, чувствуется во всемъ прямолинейномъ складѣ этого человѣка; недаромъ Соловцовъ такъ хорошъ былъ въ роли гауптмановскаго Геншеля.

Изъ зимняго сезона 1891—92 г., юбилей котораго празднуетъ въ настоящее время соловцовская труппа, въ ней участвовало всего четыре человѣка: г-жи Глѣбова и Чужбинова и гг. Соловцовъ и Недѣлинъ. Вотъ все, что сохранилось изъ того «товарищества русскихъ драматическихъ артистовъ», которое, подъ управленіемъ Н. Н. Соловцова, десять лѣтъ тому назадъ, «Ревизоромъ» открыло въ Кіевѣ новую эру «кіевской драмы». Очень многіе изъ нихъ переселились уже въ лучшій міръ; но изъ всѣхъ, кого мнѣ довелось узнать лично, больше всѣхъ достойнъ сожалѣнія Н. А. Самойловъ-Мичуринъ.

Я смутно помню этотъ особенно пестрый, калейдоскопическій сезонъ, въ которомъ товаръ показывался, какъ говорится, лицомъ, но стоить мнѣ о немъ вспомнить, въ воображеніи ясно и отчетливо рисуется сцена изъ «Блуждающихъ огней», въ которой Максъ Холминъ признается Лелѣ въ любви... Макса игралъ Николай Аркадьевичъ. Какой это былъ идеальный jeune-premier! Красивый той умной одухотворенной красотой, въ которой вышняя привлекательность формъ явствуетъ угадывать еще болѣе цѣнное внутреннее содержаніе, онъ невольно привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Происходя изъ артистической (по матери) семьи, насытившей три поколѣнія выдающихся артистовъ, онъ являлся законнымъ наслѣдникомъ тонкой культуры артистическаго духа, которую выработали въ себѣ его предки. Его исполненіе совсѣмъ было лишено непосредственности, которую часто и совершенно ошибочно принимаютъ за интенсивность таланта. Оно было умно, изящно, но въ недостаточной степени согрѣто теплотой его сердца. Это вовсе не значить, чтобы онъ былъ холоднымъ актеромъ-декламаторомъ,—для этого онъ былъ слишкомъ русскимъ актеромъ. Нѣтъ, онъ не былъ лишень чувства, но чувство это было заключено въ такія тонкія, красивыя ювелирно-законченныя формы, что малокультурной театралной толпѣ оно естественно казалось отсутствующимъ. Не всякому возможно было понять, что самъ артистъ, въ данномъ случаѣ, являлся какъ-бы одушевленнымъ произведеніемъ искусства, накладывая на все съ нимъ соприкасавшееся печать того нѣжнаго изящества, женственно-мягкой закругленности формъ, которая составляла, быть можетъ, часть гармоніи его собственной души.

Для жизни это было слишкомъ не прочно, а для образа существованія проницательнаго актера и того паче. Когда ранней весной 1898 года я случайно попалъ въ Екатеринославъ и въ гостинницѣ «Франція», излюбленномъ пунктѣ сбора мѣстной интеллигенціи, мой пріятель инженеръ Л. подвелъ ко мнѣ худого, желтаго, преждевременно облысѣвшаго и состарившагося человѣка, съ развинченной походкой и хриплыми звуками разбитаго голоса и, представляя насъ другъ-другу, проговорилъ: «позвольте васъ познакомиться: Николай Аркадьевичъ Самойловъ-Мичуринъ, украшеніе нашей сцены,—N.N.» то надо полагать, что моя физиономія приняла совсѣмъ не подходящее выраженіе, заставившее Самойлова спросить: «Вы какъ будто чему то удивляетесь?»

«Въ шесть лѣтъ много воды утекло», грустно проговорилъ Николай Аркадьевичъ, когда я высказалъ ему свое соболѣзнованіе; «а еще больше выпито водки»... добавилъ кто-то изъ присутствующихъ. Осенью того-же года онъ умеръ въ Сухумѣ одинокій, заброшенный, какъ вполне готовая жертва нашей рыхлой общественной, и только какъ круги на болотѣ, разошлись и исчезли жиденькіе некрологи, посвященные безвременной гибели еще одного дарованія.

Вотъ почему, повторяю еще разъ, я всегда съ удовольствіемъ гляжу на трезвую фламандскую фигуру Н. Н. Соловцова, который тоже не обиженъ ни умомъ, ни талантомъ, но который сумѣлъ собственными средствами воспитать въ себѣ ту рѣдкую шгуку, которая называется характеромъ.

Н. Николаевъ.

*) См. мою книгу: «Драматическій театръ въ Кіевѣ».

За границей.

Варвары (опера Сень-Санса).

ПАРИЖЪ (отъ нашего корреспондента). Новое музыкальное произведение, поставленное въ первый разъ въ среду 10—23 октября на сценѣ Большой Оперы ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, благодаря сотрудничеству двухъ знаменитостей, Сень-Санса и Сарду. Къ сожалѣнію, ожиданія не оправдались. Благоклонная реклама разносила слухъ, что никогда еще Сень-Сансъ не сочинилъ столь выдающейся, столь вдохновенной музыки.

Какъ обыкновенно бываетъ въ случаяхъ чрезмѣрныхъ ожиданій, слушатели были разочарованы. Конечно, изъ уваженія къ знаменитому композитору, произведению его былъ оказанъ симпатичный приемъ и критика отнеслась къ нему доброжелательно, но сдержанно.

Прежде всего сюжетъ скучный и мало сценическій. Дѣйствіе происходитъ во времена нашествія тевтоновъ въ римскія провинціи въ южной Галліи, въ I-омъ вѣкѣ до Р. Х.

Мѣсто дѣйствія—античный театръ въ Оранже, въ стѣнахъ котораго заперлись женщины и дѣти. Тевтонскій вождь Маркомиръ, во главѣ полчищъ варваровъ, беретъ приступомъ г. Оранже. Остатки римскихъ легионовъ взяты въ плѣнъ, и консулъ Эвриаль убитъ неизвѣстной рукой. Варвары врываются на сцену, но ихъ сдерживаетъ Маркомиръ, который при видѣ весталки Флоріи, охраняющей священный огонь, проникается къ ней почтеніемъ и любовью. Онъ предлагаетъ ей спасти городъ и жителей, если она отдастся ему. Флорія, подъ влияніемъ горячихъ объясненій въ любви, скоро, слишкомъ даже скоро для чистой весталки, падаетъ въ объятія Маркомира. Само собою, пламя на алтарѣ Весты потухаетъ во время любовнаго дѣла. Въ третьемъ дѣйствіи варвары покидаютъ Оранже. Народъ радуется своему избавленію, и какъ водится въ оперѣ, выражаетъ свою радость танцами. Нужно прибавить, что музыка танцевъ выдержана прекрасно въ стилѣ Глюка и группъ римскихъ танцовщицъ поставлены весьма живописно. Заключаются сны бѣшеной фарадолой всѣхъ участвующихъ.

Казалось бы, все къ лучшему, но Веста не прощаетъ измѣны своему культу. Флорія, которую народъ благодаритъ за спасеніе, собирается занять мѣсто съ Маркомиромъ въ колесницѣ, запряженной двумя великолѣпными волами, какъ вдругъ Ливія, вдова убитаго консула, поклявшись отомстить за смерть мужа, шаракаетъ Маркомира ножомъ.

Музыка отличается классическимъ благородствомъ формъ, прекрасной инструментальной и... умѣренностью. Никакихъ драматическихъ порывовъ; нигдѣ не замѣтно присутствія «варваровъ». Сень-Сансъ остается всегда симфонистомъ, даже въ своихъ драматическихъ прозведеніяхъ, хотя въ его «Самсонѣ» гораздо болѣе настоящей страсти и характерной окраски. «Варвары» подходятъ болѣе на кантату, чѣмъ на оперу.

Изъ выдающихся мѣстъ слѣдуетъ отмѣтить: интересный прологъ, напоминающій по замыслу прологъ изъ «Мефистофеля» Бойто, чудный женскій хоръ—сбращеніе къ Вестѣ—въ первомъ дѣйствіи, прелюдію ко второму акту, финаль любовнаго дѣла довольно поэтичный, балетную музыку и похоронный маршъ въ третьемъ дѣйствіи.

Партію Маркомира исполняетъ теноръ Ваге, талантливый артистъ, обладающій мягкимъ, ласкающимъ голосомъ—поетъ онъ съ большою выразительностью. Женскія роли исполняются г-жами Гатто и Эглонъ; у обѣихъ голоса непріятные и дребезжащіе. Но... онѣ красивы и пользуются покровительствомъ дирекціи.

К. Качковскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТИФЛИСЬ. 1 октября открылся сезонъ драматическихъ спектаклей группы г-жи Волгиной. До сихъ поръ поставлены слѣдующія пьесы: «Горе отъ ума», «Гувернеръ», «Ева», «Какъ проживешь, такъ прослывешь», «Маріанна», «Колыбель». «На законномъ основаніи», «Бѣдность не порокъ», «Преступница», «Свѣтитъ да не грѣетъ», «Супружеское счастье», «Донъ-Жуанъ Австрійскій», «Соколы и вороны». Репертуаръ, какъ видите, довольно пестрый и далеко не свѣжій. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что театръ пустуетъ уже съ первыхъ спектаклей. Къ тому же и сама труппа не представляетъ въ общемъ большого интереса. Собранныя, очевидно, на скорую руку, она ни ансамблемъ, ни стройностью исполненія похвалиться не можетъ. «Премьерами» являются во-первыхъ сама г-жа Волгина, затѣмъ г-жа Тираспольская и, наконецъ, г. Петипа 2-ой (1). По крайней мѣрѣ фамилію этихъ артистовъ пишущая въ красной строкѣ. Однако, ни г-жей Тираспольской, ни г-жей Волгиной, ни, тѣмъ болѣе, г. Петипа 2 насъ не удивишь. Мы помнимъ г-жу Волгицу, когда она была много моложе. Г-жа Тираспольская служила въ труппѣ г. Людвигова рядовой артисткой, а г. Петипа слишкомъ далекъ отъ

своего брата, котораго онъ беретъ за образецъ. Среди остальныхъ членовъ группы есть нѣсколько опытныхъ артистовъ, но отсутствіе срепетовки и опытной режиссерской руки сказывается во всемъ: пьесы ставятся на спѣхъ, съ одной, а иногда и безъ всякой репетиціи. Въ погонѣ за репертуаромъ и за сборами г-жа Волгина останавливается на такихъ напр. пьесахъ, какъ «Донъ-Жуанъ Австрійскій», прибѣгая къ ультрапровинціальной замашкѣ—расписывать пьесы по актамъ: на примѣръ: «Еврейка», «Клятвопреступникъ», «Тѣнь императора» и т. д. Къ г-жѣ Тираспольской теперь отнеслись довольно холодно, несмотря на то, что артистка значительно развилась. Для г-жи Волгиной была поставлена «Преступница», но артистка играла съ анонсомъ о болѣзни. Г. Петипа 2-ой дебютировалъ въ роли Дорси («Гувернеръ»), и былъ не болѣе, какъ бѣдной тѣнью Петипа 1. Послѣдующіе спектакли были нѣсколько благоприятнѣе для г. Петипа 2. Изъ остальныхъ артистовъ отмѣчу пока г-жу Алинскую, комическую артистку безъ шаржа, и А. М. Максимова—актера съ давно установившейся репутацией.

Изъ новинокъ шла «Колыбель» Бріе. Все случайно и непоследовательно въ этой пьесѣ. Движенія въ ней очень мало, а если встрѣчаются жизненные сцены, то онѣ, какъ, напримѣръ, споръ двухъ мужей изъ за жены, поражаютъ грубостью. Г-жа Тираспольская приложила много стараній, вотъ все, что можно сказать. Пьеса не имѣла успѣха. Вторая новинка сезона «Донъ-Жуанъ Австрійскій», несмотря на завывательныя афиши, сбора не сдѣлала. Донъ-Жуана игралъ г. Петипа и чрезвычайно напомнилъ мнѣ опереточнаго премьера. Хорошъ былъ г. Яковлевъ въ роли Карла V, хотя въ пьесахъ современнаго репертуара онъ мнѣ нравится болѣе. Мила г-жа Евгеньева (послушникъ Пабло).

12 октября умеръ отъ паралича сердца музыкальный критикъ С. П. Казанскій, въ былое время сотрудничавшій во многихъ столичныхъ газетахъ и журналахъ. Послѣдніе годы Казанскій почти безвыездно жилъ въ Тифлисѣ и писалъ музыкальныя рецензіи въ газетѣ «Тифлисскій Листокъ». Одно время онъ состоялъ преподавателемъ Императорскаго Музыкальнаго училища по классу эстетики. Прахъ покойнаго перевезенъ въ Москву.

Ленсенъ.

ПЕРМЬ. 28 сентября открылся у насъ оперный сезонъ (шесть) «Русалкою». Затѣмъ шли «Фаустъ», «Аида» и «Риголетто». Нельзя сказать, чтобы нынѣшній составъ былъ блестящимъ. Правда, въ труппѣ имѣются два-три солидныхъ провинціальныхъ имени, къ которымъ мы причисляемъ г-жу Соловьеву-Мацулевичъ (драм. сопрано), г. Кругловъ (баритонъ) и г. Парамоновъ (басъ). Остальные—молодежь, подъ часть голосистая, но неопытная, незрѣлая. Въ «Русалкѣ» выступили въ главныхъ партіяхъ г-жа Соловьева (Наташа) г-жа Лузинова (княгиня) и гг. Карскій (князь) и г. Парамоновъ (мельникъ). Наболѣе законченное впечатлѣніе произвели г-жа Соловьева и г. Парамоновъ. У первой—хорошій, звучный голосъ, нѣсколько впрочемъ уже тронутый временемъ, играетъ—умѣло, у второго—мягкій басъ, пѣвучій и ровный въ регистрахъ, онъ отлично гримируется и, какъ актеръ, для оперной сцены, не оставляетъ желать лучшаго. Г-жа Лузинова выказала большой, но мало культивированный голосъ—контральто, пѣла и играла робко и казалась на сценѣ ученицей. Хотя въ предпринятомъ анонсѣ о составѣ труппы она значится артист. Им. спб. театровъ. Г. Карскій поетъ музыкально, но голосъ средняго качества и сомнительнаго тембра, фигура микроскопическая. Въ «Фаустѣ» выступили: г-жа Пасхалова (Маргарита), гг. Комаровъ (Валентинъ) и г. Россоломо (Мефистофель). Изъ нихъ серьезно можно говорить только о г-жѣ Пасхаловой. У нея хотя и небольшое, но красивое серебристое по тембру лирическое сопрано, держится на сценѣ очень мило, поетъ толково и видимо прошла хорошую школу. Гг. Комаровъ и Россоломо—оба слабенькіе лирическіе баритоны, обѣ игрѣ и сценѣ имѣютъ, очевидно, очень смутное понятіе, въ особенности г. Россоломо, взявшійся за непосильную задачу изобразить Мефистофеля. Фауста пѣлъ г. Карскій и былъ въ этой партіи лучше, чѣмъ въ партіи князя. Въ слѣдующемъ спектаклѣ «Аида» новымя для Перми исполнителями явились: г-жа Стефановичъ (Амнерисъ) и гг. Шуваловъ (Радамесъ) и г. Михайловскій Чекановъ (Амонасро). У г-жи Стефановичъ, въ меццо-сопрановой партіи Амнерисъ, голосъ звучалъ хорошо только въ верхнемъ регистрѣ, въ нижнемъ же былъ глухъ и слабъ, а въ среднемъ—неустойчивъ, но артистка вложила много темперамента въ свое исполненіе и было эффектно въ смыслѣ вѣщности. Г. Шуваловъ имѣетъ хорошій голосъ, мягкій и довольно сильный, дикція у него слаба, игра примитивна, фигура же сценична. Большой и красивый голосъ (драмат. баритонъ) у г. Михайловскаго-Чеканова, но ему еще надо долго и много заниматься—пока это еще ученикъ. Г. Кругловъ давнишній любимецъ пермяковъ, появившій здѣсь уже 4 сезонъ выступилъ въ «Риголетто». Втрѣча была шумная, крайне радушная. Артистъ сильно былъ взволнованъ при первомъ выходѣ; партію провель неровно, голосъ звучалъ безъ прежняго блеска и красоты. Говорятъ г. Кругловъ передъ сезономъ долго и серьезно болѣлъ. Остальными исполнителями этой оперы были: г-жа Пасхалова

(Джилда), г-жа Чайковская (Маделена) и г. Карский (Герцогъ), г. Парамоновъ (Спарачучило) и г. Златогоровъ (Монгероне). Г-жа Пасхалова съ успѣхомъ провела свою партію; слабой стороной ея исполненія является колоратура. Г. Карский пѣлъ со своей обычной музыкальностью. Характерную фигуру разбойника Спарачучила далъ г. Парамоновъ. Красивый голосъ выказала г-жа Чайковская и была очень типичной цыганкой.

Слѣдуетъ упомянуть о капельмейстерѣ нашей оперы г. Дудышкинѣ, какъ о талантливомъ и серьезномъ музыкантѣ, ведущемъ оркестръ твердой рукой. Режиссерская часть въ лицѣ г. Альшюллера тоже добротна.

Выборными отъ города директорами театра въ текущемъ сезонѣ состоятъ гг. Кашперовъ, Шепилинъ и Гладышевъ, послѣдній вмѣсто умершаго надняхъ г. В. В. Грибеля. Художественной частью завѣдуетъ г. Кашперовъ, чловѣкъ съ артистической душой, художественнымъ вкусомъ и музыкально образованный.

Пермяка.

НОВНА. Съ 1 октября въ городскомъ театрѣ открылся сезонъ оперетки (антреприза г. Борисова). Главный режиссеръ труппы г. Эспе. Въ составъ ея вошли: г-жа Муратова (каскадные роли), г-жа Соколова (лирич. сопрано), г-жа Собина (сопрано), г. Эспе г. Чабанъ (лирич. теноръ), г-жа Донская (комич. старуха), Донатова. Гг. Жилинъ (комикъ), Донской, Градовъ и др.

Г-жа Муратова пользуется у насъ большимъ успѣхомъ; въ упрекъ можемъ ей поставить только то, что иногда она форсируетъ голосъ. Г-жа Собина, артистка еще совсѣмъ молодая, обладаетъ очень высокимъ сопрано, голосъ ея не великъ по объему, но достаточно обширенъ по діапазону: наиболѣе пріятны—среднія ноты, верхи она беретъ, хотя свободно и увѣренно, но крикливо. Г. Эспе можетъ смѣло навзваться «любимцемъ» публики; каждое его появленіе на сцену вноситъ веселье.

Очень хороша комическая старуха г-жа Донская. Первые спектакли шли при полныхъ сборахъ, а послѣдующіе, заисключеніемъ «Нинишъ», при среднихъ. Оркестромъ дирижируетъ г. Апрѣльскій.—Хоръ жидковаты, но поставлены сносно.

В. К.—скій.

БѢЛОСТОКЪ. Въ первый разъ въ Бѣлостокѣ зимній театръ «Гармонія» снятъ на весь сезонъ драматической труппой.—Сезонъ открылся «Женитьбой Бѣлугина». Потомъ шли «Безъ вины виноваты», «Соколы и вороны», «На жизненномъ пиру» и «Вторая молодость». Роли драматическихъ героинь исполняютъ Т. И. Страхова, артистка не безъ дарованія. Также пользуются успѣхомъ: Н. И. Морева (*grande coquette*), Н. П. Тенишева (комическая старуха), Н. А. Максимова (драматическая старуха). Изъ мужского персонала сразу выдѣлились М. Г. Межевой (герой и драматическій любовникъ), артист опытный. Н. П. Лидинъ-Дубровскій (лирич. любовникъ) и А. Н. Каренинъ (резонеръ).

Послѣ спектаклей даются водевили съ пѣніемъ. Аккомпанируетъ бальный оркестръ подъ управленіемъ опытнаго дирижера І. Ф. Шульца. Водевиль идутъ довольно успѣшно; участвуютъ преимущественно Е. И. Луганцева и В. А. Болъзакъ, которымъ часто приходится бисировать номера пѣнія. Режиссерская часть находится въ рукахъ М. И. Судьбинина.

Въ репертуаръ включена между прочимъ пьеса мѣстнаго автора И. Марголина: «Разбитая семья».

До сихъ поръ сборы были слабые.—Причина та, что подъѣздъ къ театру теперь очень затрудненъ. Двѣ ближайшія къ театру улицы закрыты по случаю устройства канализации, и приходится объѣзжать чрезъ боковыя улицы и переулки.

І. А. М.—а.

ВОРОНЕЖЪ. Сезонъ открылся 10-го октября. Въ общемъ труппа производитъ довольно благоприятное впечатлѣніе, и въ исполненіи не замѣчается шероховатостей. Первые три пьесы: «Послѣдняя воля», «Темныя силы (Листья шелестятъ)» и «Горе отъ ума» прошли благополучно; видно знаніе ролей и старательное отношеніе къ дѣлу. Въ общемъ ходъ пьесъ чувствуется опытная рука режиссера г. Звѣздича. Кромѣ названныхъ пьесъ, шли: «Девятый валъ», «Пережитое», «Педагоги (Воспитатель Флакманъ)» и «Знаменіе времени». Обѣщанъ пѣлый рядъ новинокъ. Въ антрактахъ играетъ духовой оркестръ. Нововведеніе это (съ прошлаго зимняго сезона) нельзя назвать удачнымъ. Любители музыки съ удовольствіемъ вспоминаютъ хорошій бальный оркестръ при недавней антрепризѣ г. Никулина. Цѣны (обыкновенныя) на мѣста довольно высоки: ложи—отъ 9 р. до 4 р., кресла—отъ 2 р. 70 к. до 1 р. 20 к., амфитеатръ—отъ 1 р. 10 к. до 60 к., балконы—отъ 1 р. 35 к. до 75 к. и галерея—отъ 40 к. до 20 к. *К.*

КИНЕШМА. Въ дирекціи музыкально-драматическаго кружка служатъ въ настоящее время слѣдующіе артисты: А. П. Аграмова, В. Г. Ледковская, Н. И. Малюжинецъ, М. Э. Тивольская, П. А. Алякринскій, А. М. Бородинъ, С. С. Головинъ и П. А. Тивольскій. Режиссеръ П. А. Алякринскій. Сезонъ открылся 23 сентября драмою Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». До сего времени поставлено: «На лонѣ природы», «Изумительныя превращенія», «Золотая рыбка», «Рабочая слободка», «На жизненномъ пиру», «Забубенная голлушка». Готовятся къ постановкѣ: «Князь Серебряный»,

«Фроль Скабѣевъ», «По гривеннику за рубль», «Честь», «Шуба овечья—душа человѣчья».

Кромѣ обыкновенныхъ спектаклей ставятся утренніе народныя при цѣнахъ на мѣста отъ 50 до 5 коп. Постановка спектаклей отличается тщательностью. Труппа производитъ хорошее впечатлѣніе. Сборы средніе.

ТОМСКЪ. Театръ Королева въ нынѣшнемъ году снятъ у арендующаго его уже нѣсколько лѣтъ г. Корсакова г-жею Самойловой-Богдановичъ. Сезонъ открыли, не смотря на то, что приглашенная труппа съѣхалась гораздо ранѣе, только 28 сентября, такъ какъ театръ не былъ отремонтированъ г. Королевымъ, его владѣльцемъ, къ означенному въ контрактѣ сроку. Г-жа Самойлова ищетъ съ г. Корсакова неустойку въ двадцать тысячъ руб., а тотъ въ свою очередь предъявилъ искъ къ владѣльцу театра на сорокъ тысячъ.

Если судить по тѣмъ сборамъ, которые дали первые шесть спектаклей, и по приему, успѣхъ дѣла можетъ считаться обезпеченнымъ. Мужской персоналъ сильнѣе женскаго. Назовемъ г. Нерадовскаго, ученика М. И. Писарева, выступившаго въ «Мужъ знаменитости», «Идиотъ», «Донъ Жуанъ Австрійскомъ», и «Соколахъ и воронахъ». Г. Нерадовскій радушно встрѣченъ былъ публикой. Понравились гг. Абрамовъ, Дубецкій, Крамовъ и Савельевъ, сыгравшій, между прочимъ, превосходно роль простака, въ пьесѣ «Малка Шварценкопфъ». Въ женскомъ персоналѣ нужно отмѣтить г-жу Кундасову, занимающую амплу драматическихъ старухъ. Такой исполнительницы этихъ ролей давно не видалъ нашъ театръ. Затѣмъ можно указать на г-жу Марченко, играющую у насъ роли наивностей, г-жъ Пояровку, Волгину-Покровскую, актрису не безъ дарованія, хотя нѣсколько суховатую, г-жу Самойлову (антрепрнершу театра), выступившую въ комедіи Данченко «Золото», и обладающую очень красивой внѣшностью. *Д. Б.*

НИКОЛАЕВЪ. Драматическая труппа П. Ивановскаго открыла зимній сезонъ 10 октября комедіей Бабецкаго: «Флиртъ» и водевилемъ «Откликнулось сердечко». Легкій спектакль сошелъ бойко. Аплодировали знакомымъ артистамъ; г-жѣ Пониозовой, Лукину, Рассатову, вызвали Ивановскаго. Поставленная на другой день для дебюта г-жи Ворониной и г. Горина «М-не Санъ-Женъ» собрала мало публики. Исполненіе было посредственное, блѣдное. Первой боевой новинкой г. Ивановскій показалъ «Трехъ сестеръ» Чехова. Съ режиссерской точки зрѣнія постановка чеховской пьесы достойна всякой похвалы; видна серьезная работа и артистовъ, и режиссера. Копія московскаго Художественнаго театра оказалась удачною и г. Ивановскій заслуженно принималъ комплименты по его адресу. Въ исполненіи «Трехъ сестеръ» достигнутъ очень хорошій ансамбль, сложные сцены шли безъ заминокъ. Три сестры: Маша (Русанова), Ирина (Пшесецкая) и Ольга (Михайловская) были довольно сѣренькія. Бойко провела роль Натальи Ивановны г-жа Лидина, Вершинина г. Горинъ изобразилъ фатомъ. Баронъ Тузенбахъ—мечтатель вѣрно изображенъ г. Назаровымъ, молодымъ актеромъ. «Въ старыхъ годахъ» И. Шпажинскаго (шла 2 р.) очень удачно выступилъ г. Горинъ. Игра его на этотъ разъ была рельефна и характерна. Мало удовлетворилъ насъ комикъ Зубовъ исполненіемъ приживальщика Чирикова. Въ маленькую роль дѣвки Акульки г-жа Лидина внесла много неподдѣльнаго комизма, г. Бѣляевъ (простака и jeune comique),—хорошее приобрѣтеніе труппы. «Роланда» (неудобная для младшаго возраста, по анонсу) не особенно понравилась публикѣ, которая не привыкла къ пьесамъ «Théâtre libre». Въ главной роли графа г. Смирновъ произвелъ прекрасное впечатлѣніе. Очень недурно играла г-жа Матрцова парижскую тетеньку, совращающую малолѣтнихъ дѣвочекъ; г. Бѣляевъ—типичный воуоц; г-жа Пшесецкая (Роланда) много выиграла-бы, еслибъ ея дикція отличалась болѣею отчетливостью. *Савскій.*

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 29-го октября по 5-е ноября 1901 года.

Александринскій театръ. 29-10 октября. «Буреломъ».—30-10 октября. «Золото», ком.—31-10 октября. «Мишура».—1-10 ноября. «Завѣщаніе».—2-10 ноября. Въ 1-й разъ: «Сонъ въ лѣтнюю ночь».—4-10 ноября. Утромъ: «Мишура». Вечеромъ: «Старый домъ».

Михайловскій театръ. 29-10 октября. «Борцы», ком.—30-10 октября. «Les suites d'un premier lit», com.—«Le partage».—31-10 октября. «Исторія одного увлеченія».—1-10 ноября. «Les suites d'un premier lit», com.—«Le partage», piесе.—2-10 ноября.—«Въ отвѣтъ», пьеса.—3-10 ноября. «Le main gauche», com.—«Les deux amis», com.—4-10 ноября. «La main gauche», com.—«La deux amis».

Мариинскій театръ. 29-10 октября. «Тангейзеръ», оп.—30-10 октября. Въ 1-й разъ: «Царская невѣста».—31-10 октября. «Свадьба Фигаро», оп.—1-10 ноября. «Царская невѣста».—2-10 ноября. «Карменъ», оп.—4-10 ноября. Утромъ: «Фаустъ», оп. Вечеромъ: «Жизель», бал.—«Привалъ квалеріи», бал. (15-е представленіе абонементна).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Театръ „ФАРСЪ“.

(ЗДАНИЕ ПАССАЖА, Невскій, 48. Б. Итальянская, 19. Главный подъездъ съ В. Итальянской ул.) Телефонъ № 2779.

Дирекція: А. М. Горинь - Горайновъ и В. А. Казанскій.

РЕПЕРТУАРЪ

Съ 28-го Октября по 3-е Ноября.

Воскресенье, 28 октября: 1) Третье представление новаго фарса, въ 3 д. „Пеленки“, пер. съ фр. М. Б. 2) въ 5-й р. по воз. фарсъ въ 3 д. „М-ме Коралли и Ко“. Понедѣльникъ, 29-го: Бенефисъ С. А. Пальма съ участ. всей труппы, 1) „Черное пятно“ (Les medecins), фарсъ въ 3 д., пер. съ франц. Новая декорація, „Лѣтній садъ“; д. 1, „Утро въ Лѣтнемъ саду“; д. 2, „Консиліумъ“; д. 3, „Авессаломова вода“. 2) Во второй разъ по воз. популярный фарсъ „Дама отъ Максима“ (La dame de chez Maxime), (данъ будетъ второй актъ); 3) въ 1-й р. по воз. извѣстный фарсъ въ 3 д., имѣвшій особенный успѣхъ „?“ („Вопросительный знакъ“). Вторникъ, 30-го: въ 1 разъ по возобн. извѣстн. комедія, прошедшая въ теченіи одного сезона 68-й разъ „Говорящій итмой“, ком. шутка въ 3 д. В. Холостова; 2) въ 7 разъ, фарсъ въ 3 д., „Ея сокровище“, пер. съ франц. И. Г. Ярона и А. М. Горина-Горайнова. Среда, 31-го: Полное повтореніе бенефиса С. А. Пальма, 1) „Черное пятно“ (Les medecins), фарсъ въ 3 д., пер. съ франц.; 2) „Дама отъ Максима“ (La dame de chez Maxime); 3) „?“ („Вопросительный знакъ“). Четвергъ, 1-го ноября: 1) въ 1-й разъ по воз. оригинальный фарсъ въ 3 д. И. Мясничаго, имѣвшій въ прошломъ сезонѣ громадный успѣхъ, „Къ самой красивой женщинѣ“; 2) въ 4-й разъ, новый фарсъ, въ 3 д. „Пеленки“, пер. съ франц. М. В. Пятница, 2-го: 1) въ 10 разъ фарсъ въ 3 д., „Ея сокровище“, пер. съ франц. И. Г. Ярона и А. М. Горина-Горайнова; 2) въ 6 разъ по воз., фарсъ въ 3 д., „Ночь г-жи Монтессонъ“. Суббота, 3-го: 1) въ 3-й разъ, „Черное пятно“ (Les medecins), фарсъ въ 3 д., пер. съ фр. 2) въ 11-й разъ, фарсъ въ 3 д., „Ея сокровище“, пер. съ фр. И. Г. Ярона и А. М. Горина-Горайнова.

Начало спектаклей въ 8 ч. вечера.

Репертуаръ составленъ предположительно и можетъ быть измѣненъ по неависящимъ отъ Дирекціи обстоятельствамъ.

Билеты на всѣ объявленные по репертуару спектакли можно получать ежедневно въ кассѣ театра съ 10 ч. утра.

Билеты, заказанные по телефону, сохраняются до 7½ ч. веч., послѣ чего поступаютъ въ общую продажу.

Главный администраторъ А. И. Ивановъ.

КИШИНЕВЪ.

ДИРЕКЦІЯ

Иркутскаго городского театра

Театръ Благороднаго Собранія въ лучшей части города, прекрасно отдѣланъ и устроенъ, съ 22-го Декабря сего года по Великій постъ приглашаетъ русскую оперетку.

ПЛАТА ЗА ТЕАТРЪ 50 РУБЛЕЙ.

Полный сборъ при среднихъ цѣнахъ 900 руб. Въ Январѣ съѣздъ дворянъ и выборы. Условія въ дирекціи Собранія. № 4416 4—3

приглашаетъ желающихъ снять антрепризу театра въ сезонъ 1902—1903 г. Условія можно получать у председателя дирекціи Ф. А. Заборовскаго. Харлампіевская ул. соб. домъ.

4418 2—2

ТРИКОТАЖНО - ЧУ

Поставщицы Императорскихъ

ЛОЧНАЯ ФАБРИКА

С.-Петербургскихъ Театровъ.

№ 4402.

Л. ДОВОЛЬСКОЙ.

С.-Петербургъ, уг. Можайской ул. и Мало-Дарскоосельскаго просп., д. № 40—4.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ТРИКО.

НОВЫЯ КНИГИ

ЗЛАЯ ЯМА. Комедія въ 4 д. К. Фоломѣва. Цѣна 75 к.

КОМЕДИИ. П. И. Гяѣдича. Т. I. Изданіе 2-е. На хуторѣ.— Женья.—На южномъ берегу Крыма.—Въ цвѣтахъ.— Горячія письма.—Старая сказка. Цѣна 2 р. 50 к.

Для удобства исполнителей каждая пьеса издана отдѣльно. Цѣна по 1 р.

Складъ СПБ. Товарищества „ТРУДЪ“. Спб., Фонтанка, 86.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
М. Г. ЮЭЛЬСОНЪ.
Принимаетъ ежедневно отъ 11 до 9 ч. веч.
Лечение. Пломбированіе.
Удаленіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.
Вознесенскій пр., д. 21, кв. 8.
Помощь постоянная.

БЕЗПЛАТНО

одинъ увеличенный портретъ заказавшему 5 разныхъ портретовъ въ разное время отъ 3 р. Владимірскій пр., д. 19, кв. 15. Пшидецкій.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПАРИКИ и БОРОДЫ.

Патентъ заявленъ за № 15234.

Высшая награда Ревель 1900 года

за превосходно сдѣланные и недорогія стюжіе парики и бороды для театровъ.

Рекомендуемо:

Парики изъ ангорск. шерсти отъ 1 р.	—	к. в. шт.
Бороды „волосъ“	2	— „ „ „
Бороды „ангорск. шерсти“	—	25 „ „ „
„волосъ“	1	25 „ „ „
Туллы для париковъ	—	60 „ „ „
Шерсть для бородъ всѣхъ цв.	4	— „ „ фун.
Крепъ англійск. шерстяной	6	— „ „ „

О. А. Кренцинъ.

Рига, Каменная улица, № 13.

Перепродавцамъ скидка.

Иллюстрированные прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

№ 4413

3—3

ДОЛОЙ ГОРЯЧІЕ ЩИПЦЫ

лишающіе волосы жизненной силы. Новый гофрировальный приборъ, удобно для модной красивой

ВОЛНИСТОЙ ПРИЧЕСКИ

безъ посторон. помощи, холода, способомъ, сохраняющій натурал. цвѣтъ, глянецъ и мягк. волосъ. Приборъ въ 4 маш. для круп. волнь 1 р., тонк. 1 р. 30 к. съ 20 изобр. причес. Практич. папильотки для холода, завивки крупн. локонами по 25 коп., мелк. 15 коп. За пересыл. заказовъ до 5 р. въ Европ. Рос. 50 к., Азиат. 1 р.

Главн. складъ: „Базаръ польза и забава“, Г. Гебгардтъ. С.-Петербургъ. Симеоновская, 5.

(№ 4414 2—2).